

Эмма Скотт

Девушка
из песни

18+

Сердцу нельзя приказать любить.
Но если ты находишь родственную душу,
сможешь ли от нее отказаться?

Freedom. Романтическая проза Эммы Скотт

Эмма Скотт

Девушка из песни

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Скотт Э.

Девушка из песни / Э. Скотт — «Эксмо», 2020 — (Freedom.
Романтическая проза Эммы Скотт)

ISBN 978-5-04-156490-2

ВАЙОЛЕТ Дорогой дневник, я только что подружилась с мальчиком. Мы болтали и смеялись, будто знакомы целую вечность. Когда он потерял сознание, я испугалась, что навсегда потеряю его. Он мой лучший друг. И проклятая болезнь не должна отнять его у меня. Я стану врачом. И сделаю все, чтобы он был в безопасности. **МИЛЛЕР** Врачи поставили мне неутешительный диагноз. Всю жизнь я должен следить за здоровьем, иначе умру. Эта девочка спасла меня. И подарила надежду. Теперь я могу играть и петь Вайолет песни, которые написал для нее. Я пытался найти в себе мужество сказать, что я бедный бездомный ребенок и мне нечего ей предложить, кроме своего сердца. А она предложила остаться друзьями. Сильнее ранить невозможно.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-156490-2

© Скотт Э., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Плейлист	6
Песни Миллера	7
Посвящается	8
Часть I	9
I	10
II	21
III	27
IV	33
Часть II	36
1	37
2	44
3	50
4	60
5	68
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Эмма Скотт

Девушка из песни

Emma Scott
THE GIRL IN THE LOVE SONG
Copyright © 2020 by Emma Scott

© Гладыщева Е., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Это художественное произведение. Любые имена или персонажи, события или инциденты, предприятия или места (такие как средняя школа «Костлайн Мидл», Центральная старшая школа Санта-Круза, Сокельские «Святые», ИноДин, «Голд Лайн Рекордс») являются вымышленными или представлены в авторском переосмыслении. Любое сходство с реальными людьми, живыми или умершими, или событиями случайно.

www.emmascottwrites.com

Плейлист

I Can't Make You Love Me // Bon Iver (вступление)
Dissolve // Absofacto *Yellow* // Coldplay
Godzilla // Eminem
Dance Monkey // Tones and I
Take Me to Church // Hozier
when the party's over // Billie Eilish
Take What You Want // Post Malone (feat. Ozzy Osbourne)
The Best // Awolnation
Finally/Beautiful Stranger // Halsey
Perfect // Ed Sheeran
The Greatest // Sia (closing credits)

Песни Миллера

Все, чего я хочу // музыка Future Ghost Brothers,
совместно с Ричем Траппом и Джошуа Лопесом,
стихи Эммы Скотт

Дождись меня // музыка Future Ghost Brothers,
совместно с Ричем Траппом и Джошуа Лопесом,
стихи Эммы Скотт

Посвящается

Робину, который верил в эту книгу, даже когда не верила я, и который поддерживал меня каждый раз, стоило мне оступиться. С любовью.

Часть I

I

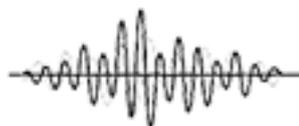
Дорогой Дневник,

поскольку мы собираемся с тобой стать друзьями, то в первую очередь тебе следует знать, что меня зовут Вайолет Макнамара и мне тринадцать лет. Сегодня мой день рождения, а ты – один из моих подарков. Мне тебя подарила мама и сказала, что во мне «развивается женщина», – закатываю глаза, – и что, возможно, я захочу записывать свои чувства. Она говорит, что в этом возрасте они обязательно «драматичны», и если их перенести на бумагу, то можно обуздать слишком сильные эмоции и потом не выплескивать их на окружающих.

Это смешно. В последнее время они с папой постоянно выплескивают свои «драматические эмоции», крича друг на друга. Может, им тоже стоит завести дневник? Возможно, именно его мне и стоит подарить им в следующем месяце на годовщину свадьбы. Если они до нее доживут. Я не знаю, что случилось. Мы были так счастливы, а потом все куда-то исчезло, кусочек за кусочком.

Боже, они и сейчас орут. Дом огромный, а они все равно умудряются наполнить его своей яростью. Откуда она взялась??? Живот крутит от тревоги, и мне просто хочется, чтобы это закончилось.

С днем рождения меня.

Я отложила ручку и надела наушники. В ушах ревел «Absufacto», заглушая громкие голоса родителей. Сквозь музыку прорвался звон разбитого стекла. Я вздрогнула. Сердце подскочило в груди, а слеза размазала чернила на моей первой записи в дневнике. Я осторожно смахнула ее, сделала музыку погромче и стала ждать окончания бури.

Они уже успокоились, но, боже, один из них что-то разбил. Наверное, мама. Уже во второй раз. Дела идут все хуже. Еще две недели назад они спали в одной постели, а теперь мама занимает спальню, а папа – кабинет.

Возможно, это такой этап отношений. Если я постараюсь и заставлю их гордиться мной, то, может, они снова станут счастливыми и все вернется на круги своя. Я собираюсь стать врачом. Хирургом. Человеком, который исправляет поломанное. Может быть, я начну с них, ха-ха.

В любом случае, мне больше не хочется писать о моей семье. Лучшие напишу о чем-нибудь более приятном. А именно, о Ривере Уитморе. Наверное, заполнять дневник мыслями о

мальчишках – клише в миллионной степени, но я влюблена в Ривера всю жизнь. Но, Дневник, если ты его увидишь, то все поймешь. Он похож на тринадцатилетнего Генри Кавилла, разве что не англичанин. Можно сказать, что с возрастом он станет большим, мускулистым и сексуальным. (Боже мой, поверить не могу, что написала это!) НЕВАЖНО. Его отец, владелец Автомастерской Уитмора, и летом Ривер ему там помогает. Когда папа отвозит туда «Ягуар», я увязываюсь за ним, хотя всегда держусь в стороне от Ривера. Еще одно клише: девочка-ботаник и популярный спортсмен, который не подозревает о ее существовании. Он звезда футбола, будет играть квотербеком всю среднюю школу, а затем продолжит в колледже или пойдет прямо в НФЛ.

Во всяком случае, его отец постоянно об этом говорит.

Что касается меня, то Калифорнийский университет Санта-Круза – место моей мечты. Санта-Круз такой красивый. Я не могу представить себе жизнь где-нибудь еще. Конечно, в конце концов мне придется уехать в медицинский колледж, что будет нелегко, поскольку на хирурга придется учиться годами. А еще меня ждет чертова куча долгов по студенческим кредитам. Но прикинь: на мой последний день рождения родители заявили, что все оплатят!!!

Я была безумно счастлива, когда услышала. Благодарна безмерно и рада, что могу остаться рядом с ними. Только теперь мне кажется, что наше счастье оказалось временным и все рушится. Я не знаю, что с ними происходит. Думаю, что-то связанное с деньгами. (Видишь? Иногда деньги – полный отстой.)

Во всяком случае, я...

Ручка царапнула бумагу, когда внезапно наступила тишина. Вдоль стены моей спальни на втором этаже тянулась шпалера с виноградными лозами, и жившая в их листьях стайка лягушек только что затихла. Иногда я представляла себе, как Ривер Уитмор взбирается по шпалере, чтобы спасти меня от родителей и их разваливающегося брака, но решетка могла послужить прекрасной лестницей и для незваного гостя. Я выключила настольную лампу и, затаив дыхание, погрузилась в темноту комнаты.

Лягушки вновь осторожно заквакали.

Я поправила очки на носу и выглянула в окно на задний двор, обрамленный темным Погонипским лесом с секвойями и дубами. Затем перегнулась через стол и посмотрела вниз.

Там был ребенок. Мальчик.

На вид примерно моего возраста, хотя трудно сказать точнее, когда его освещала лишь жирная луна в ночном небе. У него были длинные каштановые волосы, а плечи обтягивала темная куртка. Мальчик в отчаянии кружил по двору, словно мой дом для него оказался тупиком и куда теперь идти – неизвестно.

Я взглянула на часы: было почти десять.

Почему он здесь? Один?

Мальчик прислонился к стене подо мной, рядом со скрученным вокруг крана шлангом. Лягушки снова затихли, когда он сполз вниз и уселся на траву. Подтянул ноги к груди, свесил запястья с согнутых колен и опустил голову. Интересно, он так и заснет?

Я задумчиво провела языком по брекетам. Стоит ли позвать папу? Или полицию? Но это навлечет на мальчика неприятности, а судя по его виду, день у него и так выдался паршивый.

Я подняла окно, и в комнату ворвался теплый июньский воздух. На скрип деревянной рамы мальчик вскинул голову. Луна осветила его лицо, и я сделала глубокий вдох.

Он прекрасен.

Такая внезапная и глупая мысль. Мальчишки не бывают прекрасными. Насколько мне известно, нет. Даже Ривер, который был необычайно хорош собой. Но не успела я обдумать этот вопрос, как мальчик вскочил на ноги, готовый сбежать.

– Подожди, не уходи! – шепотом воскликнула я, шокировав мальчика и себя заодно. Не знаю, что побудило меня остановить его. Просто сорвалось с языка, и я ничего не могла с этим поделать. Отпустить его казалось ошибкой.

Мальчик остановился на краю опушки, где тропинка терялась в лесу. Я подняла раму повыше, чтобы можно было опереться руками о подоконник.

– Что ты здесь делаешь? – громко прошептала я.

– Ничего.

– Ты пришел из леса?

– Ага. А что?

– Ну, для начала, ты нарушил границы. Это частная собственность. Ты не должен здесь находиться.

По телевизору всегда так говорят, и там это звучит разумно.

Мальчик нахмурился.

– Ты только что сказала мне не уходить.

– Потому что мне было интересно, какого черта ты тут делаешь. Уже поздно.

– Я просто... гулял.

– А где ты живешь?

– Нигде. Не знаю. Нас кто-нибудь услышит.

– Не-а. Соседи довольно далеко. – Я снова облизнула брекеты. – Но шептаться отстойно.

Я сейчас спущусь.

– Зачем?

– Чтоб удобнее было разговаривать, – ответила я и подумала, не мои ли тринадцать лет волшебным образом уменьшили застенчивость.

Или, возможно, все дело в мальчике.

– Ты меня не знаешь, – возразил он. – Я могу быть опасен.

– А ты опасен?

Он на секунду задумался.

– Может быть.

Я поджала губы.

– Ты причинишь мне вред, если я спущусь?

– Нет, – раздраженно огрызнулся он. – Но ты не должна рисковать.

– Оставайся на месте.

Я была в пижамных штанах и бесформенной толстовке с логотипом Калифорнийского университета. Схватила конверсы из шкафа в моей суперопрятной комнате и надела поверх носков.

Я снова высунула голову в окно. Мальчик все еще был там.

– Сейчас спущусь.

Так сказала, словно регулярно лазила по шпалерам. Я не из тех детей, которые по ночам сбегают из дома, но этим вечером я не переставала себе удивляться. Заправив за уши черного цвета волосы, я забралась на стол, а затем выставила одну ногу на карниз.

– Не надо, – раздалось снизу. – Ты сейчас упадешь.

– Не упаду, – упрямо возразила я, осторожно схватившись руками за подоконник и поставив правую ногу на перекладину решетки.

– Откуда ты знаешь, что она выдержит? – спросил мальчик.

Я понятия не имела, выдержит ли она, но уже миновала безопасный подоконник и спускалась по тонким деревянным скрещивающимся перекладинам. Отмахнулась от веток и медленно продвигалась вниз, осторожно нащупывая каждую точку опоры. Затем спрыгнула на землю и отряхнула руки.

– Видишь? Крепче, чем кажется, – заявила я.

Мальчик нахмурился.

– Ты могла пострадать.

– А почему тебя это волнует?

– Я... я не знаю. Просто сказал.

Он откинул с глаз прядь волос и засунул руки в карманы куртки. У него были красивые глаза – голубые, как топаз. Вблизи я разглядела дырки на его джинсах, и они явно были не данью моде. Куртка на локтях потерлась, ботинки сносились, а рваные шнурки были завязаны узлами. С его плеч свисал потрепанный старый синий рюкзак.

Но мальчик выглядел даже симпатичнее, чем показалось издали, хотя и совершенно отличался от Ривера. Черты лица казались мягче. Но все равно мужественные. Фантазия подсказывала, что он вырастет очень красивым. У него были в меру густые брови, и, казалось, от беспокойства он постоянно их хмурил. А еще у него был правильный нос и практически идеальный рот. На самом деле я понятия не имела, как должен выглядеть идеальный мужской рот, но точно знала, что у мальчика он именно такой.

Несколько мгновений мы молча разглядывали друг друга. Мальчик окинул меня взглядом, и я подумала, что он тоже оценивает меня. Обычно я стеснялась своих очков, бреккетов и сисек, к быстрому росту которых я никак не могла привыкнуть. Во мне не было ничего, что можно назвать «идеальным», но почему-то казалось нормальным вот так стоять перед ним в темноте.

– Итак... я Вайолет.

– Миллер.

– Миллер – это имя?

– Да. А что?

– Похоже на фамилию.

– А Вайолет на цвет.

– Но все-таки имя.

Теперь, когда мы не шептались, я заметила, что голос Миллера уже поломался. Глубокий, но без противных срывов на писк, как у бедного Бенджи Пелчера. Временами он говорил так, словно надышался из гелиевых шариков. У Миллера приятный тембр. Низкий и немного хриловатый.

– Ну? – спросил Миллер. – Чего ты хочешь?

Я склонила голову набок.

– Ты жуткий ворчун.

– Может быть, у меня есть на то причины.

– Какие?..

– Не твое дело. – Он оглянулся на темнеющий за спиной лес. – Мне пора возвращаться, – произнес он с некоторой грустью. Как будто смирился. Как будто предпочел бы сделать что-то другое.

«Так не отпускай его».

Я смягчила тон.

– Можешь хотя бы сказать, что ты тут делаешь?

– Я уже говорил. Гуляю.

– Ночью по темному лесу? Ты живешь поблизости? Я никогда тебя раньше не видела.

– Мы только что переехали. Я и мама.

– Круто. Значит, мы соседи.

Миллер дернул подбородком в сторону моего дома.

– Мой дом совсем не похож на твой.

В его голосе сквозила такая горечь, что я практически ощущала ее вкус.

– А твоя мама не будет волноваться, что ты здесь?

- Она на работе.
- Ох.

Среди моих соседей никто не работал по ночам, если только они не были программистами, как мой отец. Он до глубокой ночи засиживался за компьютером, но сомневаюсь, что мама Миллера допоздна работала в «ИноДине» или в какой-нибудь другой крупной организации рядом с университетом.

Большинство детей таких родителей могли позволить себе новые шнурки.

Наступила тишина, Миллер ковырял носком ботинка землю, засунув руки в карманы куртки и опустив голову, словно выжидая, что произойдет дальше. Квакали лягушки, а за его спиной раздавалось дыхание леса.

- Значит, ты здесь новенький?

Он кивнул.

- Я учусь в школе «Костлайн Мидл».

- И я тоже.

- Круто. Может, у нас даже совпадут занятия.

Мы можем стать друзьями.

- Может быть. – Он взглянул на мой дом с тоскливым выражением лица.

- Почему ты все время пялишься на мой дом?

- Совсем не пялюсь. Просто он... большой.

- Все нормально. – Я прислонилась к стене, как до этого Миллер.

Он ухмыльнулся и сел рядом со мной.

- В нем что-то не так? Не хватает дворецкого?

- Ха-ха. Дом в полном порядке. Когда-то он был идеальным.

- А теперь нет?

- Последнее время мои родители несчастны.

- У кого ж иначе? – Миллер бросил в темноту камешек.

– Да, но я хочу сказать, что они очень несчастны. Стараются друг друга перекричать, кидаются вещами... Забудь. – У меня вспыхнули щеки. Зачем я это рассказала?

Но Миллер встревоженно округлил глаза.

- Они кидались в тебя?

– Нет, это было всего один раз, – быстро произнесла я. – Ну может, два. И все. Ничего страшного. – Я прокашлялась. – Все родители ссорятся, верно?

– Откуда мне знать. Мой отец умер несколько месяцев назад, – произнес он, отвернувшись. – Остались только мы с мамой.

- О боже, мне так жаль, – тихо проговорила я. – Это должно быть тяжело.

– Много ли ты знаешь, – огрызнулся Миллер с внезапным раздражением в голосе. – По крайней мере у тебя шикарный дом. А если родители начинают кричать, то ты наверняка можешь спрятаться в большой уютной комнате, вместо того чтобы...

- Вместо чего?

- Ничего.

Снова повисло молчание. В животе у Миллера заурчало, и он поспешно шаркнул ботинком, чтобы заглушить этот звук, а потом поднялся.

- Мне нужно идти.

Но я не хотела, чтобы он уходил.

- Сегодня мой день рождения, – сообщила я.

Миллер замер, а затем снова сел.

– Да?

– Ага. Мне тринадцать. А тебе?

– В январе четырнадцать. Ты наверняка закатила шумную вечеринку.

– Нет. Мы с моей подружкой Шайло посмотрели фильм, а потом родители купили мне торт. Я съела всего кусочек, и не думаю, что родители ели. Там еще много осталось. Хочешь? Узкие плечи Миллера вздрогнули.

– Он пропадет, если мы его не съедем, – добавила я. – И нет ничего печальнее, чем именинный торт, от которого отрезали всего один кусочек.

– Я могу придумать сотню вещей печальнее, – возразил Миллер. – Но да, от торта не отказался бы.

– Отлично. – Я поднялась на ноги и стряхнула с задницы грязь. – Пойдем.

– К тебе домой? А как же твои родители?

– В моей комнате безопасно. Папа теперь спит в кабинете, а мама будет в своей спальне, но она никогда меня не проверяет. Вообще никогда.

Миллер нахмурился.

– Тыпустишь меня в свою спальню?

Я снова принялась карабкаться по шпалере.

– Да. Я никогда не делала ничего неправильного, но сегодня у меня праздник, а они кричали друг на друга в мой день рождения, поэтому поделом им. – Я посмотрела на него через плечо. – Так ты идешь или нет?

– Наверное.

– Ну давай!

Я вернулась в свою комнату, и Миллер последовал за мной. Я отодвинула лампу, чтобы ему было удобнее. Он перелез через стол и грациозно спрыгнул на пол.

– Теперь мы знаем, что решетка выдержит нас обоих, – заявила я.

Не знаю, почему мне казалось это важным, но интуиция подсказывала, что Миллер не в последний раз залезает в мою комнату.

Но теперь, когда мы стояли рядом в свете настольной лампы, у меня внутри все перемешалось. Немного страха, волнения и предвкушения. Он был выше меня на несколько дюймов, а голубые глаза казались бездонными. Серьезный, задумчивый взгляд. Я не встречала такого ни у кого из знакомых мне детей, кроме, возможно, моей лучшей подружки Шайло.

Миллер заметил, как я наблюдаю за ним, сцепив руки перед собой.

– Что? – настороженно спросил он.

– Не знаю, – ответила я, поправляя очки и теребя прядь черных волос. – Теперь, когда ты здесь, все немного... по-другому.

– Я не собираюсь ничего красть. И не причиню тебе вреда, Вайолет. Никогда. Но если хочешь, я уйду.

– Я не хочу, чтобы ты уходил.

Выражение лица Миллера на мгновение смягчилось, а плечи расслабились.

– Ладно, – хрипло произнес он. – Я останусь.

Сердце болезненно сжалось от прозвучавшей в его голосе благодарности.

Как будто он не привык, что ему рады.

Миллер отвел от меня взгляд – наверное, я буквально пялилась на него – и осмотрел мою безукоризненно чистую комнату с большой двуспальной кроватью и белым покрывалом с рюшами. Всю стену напротив окна занимали книжные полки, а остальное пространство украшали постеры с Мишель Обамой, Рут Бадер Гинзберг и футболисткой Меган Рапино.

– Разве девчонки не завешивают стены плакатами с актерами и рок-звездами?

– Да, потому что все девушки одинаковы, – усмехнулась я. – Это мои источники вдохновения. Мишель напоминает о стиле, Рут о честности, а Меган побуждает стараться изо всех сил. И в футбол я тоже играю.

– Здорово. – Миллер округлил глаза, когда увидел мою ванную. – У тебя есть собственная ванная? Вау. Прикольно. – Он недоверчиво покачал головой и выглядел при этом очень странно.

– Ну хорошо, тогда, эм, жди, – произнесла я. – Пойду принесу торт.

Оставив Миллера в комнате, я тихонько прикрыла за собой дверь и прокралась по длинному коридору мимо гостевых спален и ванных к лестнице. Снова попыталась вернуться нервозность.

«Немного глупо впускать в дом совершенно незнакомого человека. Тебе ведь это известно, верно?»

Но я была отличницей, и учителя всегда хвалили меня за ум и умение хорошо запоминать факты. А факт заключался в том, что Миллер за время нашего короткого разговора не менее трех раз проявил заботу о моей безопасности. Его угрюмость была вызвана подозрительностью, как будто он не мог понять, почему я к нему так добра.

«Потому что он не привык, чтобы люди с ним хорошо обращались. Или к спальням со смежными ванными комнатами».

В нашей огромной кухне с гранитными столешницами и техникой из нержавеющей стали я достала из холодильника коробку с именованным тортом. Никак не могла выбросить из головы урчание в животе Миллера, а потому сунула в сумку из «Трейдера Джо»¹ одноразовые тарелки, кукурузные чипсы, банку сальсы, две банки кока-колы, вилки и салфетки. Закинув сумку на плечо, я схватила коробку с тортом и так же крадучись поднялась наверх.

Я на ощупь открыла дверь своей спальни. Миллер исчез.

– Вот черт. – Я сникла. Разочарование оказалось сильнее, чем я ожидала. Но в следующее мгновение коробка с тортом чуть не выпала у меня из рук, когда Миллер появился из моей гардеробной.

– Я не был уверен, что это ты, – пояснил он.

– Я подумала, что ты меня бросил.

– Все еще здесь. – Он посмотрел на мою сумку с продуктами, и в его голосе промелькнуло беспокойство. – Это что?

– Еда. Я весь вечер занималась...

– Ты занимаешься летом?

– Да. Хожу на подготовку к старшим классам. Когда-нибудь я стану врачом. Хирургом. На это уйдут годы учебы и практики, так что стараюсь работать наперед.

– Ох. Круто.

– Ну так вот, я много занималась и, оказывается, проголодалась. Тут не так уж много. Просто чипсы, сальса и газировка. Ну и конечно торт. – Знаю, не совсем здоровый перекус...

Миллер ничего не ответил. Он слишком умен, чтобы купиться на мою тонко замаскированную благотворительность. Но голод, должно быть, победил гордость, потому что он не стал спорить и позволил мне устроить наш маленький пикник на полу за кроватью, на случай, если нагрянут родители.

Я уселась спиной к стене, а Миллер сидел напротив меня, у моей кровати, вытянув перед собой длинные ноги. Мы ели и болтали о том, с кем он познакомится в школе.

– Капитан молодежной футбольной команды – квотербек, Ривер Уитмор, – сказала я и тут же пожалела, что начала с него. Краска залила лицо. – Ты играешь в футбол?

– Нет.

¹ Американская частная сеть супермаркетов.

– Хм, да, значит, он квотербек.

– Ты это уже говорила. – Миллер скользнул по мне пронизательным взглядом и тут же отвел его. – Он тебе нравится.

– Что? – практически взвизгнула я, но тут же понизила голос. – Нет, я... почему ты так думаешь?

– Из-за того, как ты произнесла его имя. И у тебя все лицо покраснело. Он твой парень?

– Вряд ли. Посмотри на меня.

– Я прекрасно тебя вижу.

Так и есть. Его глаза цвета топаза не только смотрели на меня, но еще и видели. Возникло чувство, будто на моем лице отражались самые сокровенные тайны сердца. По коже разлился жар, и мне пришлось отвести взгляд.

– Ты же знаешь, как это бывает, – произнесла я. – Я заучка, а он бог футбола. Он даже не замечает моего существования. Но мы с детского сада вместе ходим в школу, и я... не знаю. Мне кажется, я всегда была влюблена в него. – Я прижала ладони к щекам. – Не могу поверить, что только что рассказала тебе все это. Пожалуйста, никому не говори, когда начнутся занятия. Это меня убьет.

Миллер отвернулся и потянулся за газировкой.

– Забуду, что ты вообще об этом упоминала.

– Хорошо... кстати, с Шайло ты тоже познакомишься. Она очень умная и веселая. И к тому же красивая. Удивительно похожа на Зою Кравиц. Она моя лучшая подруга. Мой единственный друг.

– А у меня нет ни одного. Так что у тебя все в порядке.

– Да, но ты только что переехал. А я здесь всю свою жизнь. – Я заправила за ухо прядь волос. Но теперь мы с тобой друзья, верно? Давай обменяемся телефонами! Тогда мы сможем переписываться. – Я схватила с кровати свой телефон. – Вот черт, будет так здорово получать сообщения и не знать наверняка, что они от Шайло.

– У меня нет сотового, – ответил Миллер, вытирая руки о рваные джинсы и не глядя на меня.

– Ох. Погоди, серьезно? – Я уронила телефон на колени. – Как вообще ты без него выживаешь?

– Если тебе приходится без чего-то обходиться, ты просто берешь и обходишься.

– Даже представить себе не могу.

Он нахмурился.

– Держу пари, что так.

– Эй...

– А что? Ты же сама только что сказала, что не можешь представить?

– Да, но это несправедливо...

– Справедливость? – Миллер усмехнулся. – Ты ни черта не знаешь о справедливости.

– Почему ты на меня злишься?

Он открыл было рот, но тут же захлопнул его.

– Ничего подобного.

Я подождала несколько секунд, потом взглянула на него.

– Все в порядке. Ты можешь мне рассказать. Если хочешь.

– Что рассказать?

– Что угодно.

«Например, где ты живешь».

– Мы только что познакомились, – возразил Миллер. – И ты девчонка.

– И что?

– И то. Парни не болтают с девчонками о всякой ерунде. Они общаются с другими парнями.

– Но друзья разговаривают, помнишь? И к тому же... – Я демонстративно огляделась и заглянула под кровать. – Здесь нет парней.

Он издал смешок.

– Боже, ну ты и зануда. Хотя и храбрая.

– Считаешь меня храброй?

Он кивнул.

Мои щеки вспыхнули.

– Меня еще никто не называл храброй.

Наши взгляды встретились, и на губах Миллера промелькнула слабая улыбка. Атмосфера между нами, казалось, потеплела и смягчилась. Просто замечательно в свой день рождения сидеть с этим парнем.

Но затем мама с грохотом распахнула дверь своей спальни, и вниз по лестнице загрохотали ее шаги.

Я вздрогнула, и мы с Миллером замерли. Через несколько минут она заговорила на повышенных тонах, отец ей ответил, они оба спорили все громче и громче, пока не перешли на настоящий крик. Под внимательным взглядом Миллера мое лицо опалило жаром. Желудок сжался в тугой узел, и меня затошнило от только что съеденного.

– Поверить в это не могу, – кричала мама снизу. – Еще один, Винс? Сколько еще?

– Господи Иисусе, уже больше десяти вечера. Отвали от меня, Линн!

Их слова стали приглушеннее – мама, вероятно, бегала за папой по дому, размахивая перед ним какими-то бумагами, как она уже делала до этого. Меня насквозь прожигал стыд. Я подтянула колени и закрыла уши, желая, чтобы родители провалились сквозь землю. Меня окутал хвойный аромат сосновых иголок с привкусом сальсы. Я приоткрыла один глаз. Миллер подвинулся и сел рядом со мной. Он не обнял меня, но сел так близко, что мы соприкасались. Плечом к плечу. Установил контакт. Дал мне знать, что он со мной.

Я прислонилась к нему, и мы прислушивались, пока ссора родителей не затихла. Наверху снова послышались мамины шаги. Дверь захлопнулась. Внизу тоже хлопнула дверь кабинета, и воцарилась тишина.

– Они часто ссорятся? – тихо спросил Миллер.

Я кивнула, уткнувшись носом в его потертую куртку.

– Раньше они любили друг друга, а теперь ненавидят. Мне порой кажется, будто я попала в симуляцию идеальной семьи, но программа дала сбой.

– Почему бы им просто не развестись?

– Думаю, тут замешаны деньги. Они мне ничего не говорят, но я знаю, что они не могут расстаться, пока все не уладится. – У меня защипало глаза. – Но я все еще надеюсь, что вместе с денежным вопросом наладятся и их отношения.

Миллер ничего не сказал, лишь сильнее прижался ко мне плечом.

– Мы друзья, Вайолет, – наконец произнес он, глядя прямо перед собой.

– Что?

– Ты спрашивала... И да. Мы друзья.

Я уставилась на него, а он сверху смотрел на меня, и счастье изгоняло из моего сердца холод, порожденный ненавистью родителей друг к другу.

Я нашла в себе силы улыбнуться.

– Готов есть торт?

Я нарезала клубничный торт в ванильной глазури, и мы с Миллером поели и еще немного пообщались. У него чуть кола не пошла из носа от смеха, когда я рассказывала случай с одним

скейтером, Фрэнки Даудом. Как он пытался спрыгнуть на своем скейте с обеденного стола в кафетерии, но упал и опрокинул подносы с едой людям на колени.

– Из-за этого началась драка едой, – продолжила я. – Боже, директор был в бешенстве и пытался сразу задержать весь седьмой класс. – Миллер засмеялся еще громче. Мне нравился его хриловатый смех. В этот момент все его лицо озарялось светом. На несколько мгновений его напряжение и тревога исчезли, и я почувствовала, что сделала нечто большее, чем просто накормила его.

Мы наелись до отвала, и Миллер тяжело вздохнул.

– Черт, как хорошо... – Но в этот момент ему в голову явно пришла какая-то мысль, и проклятое беспокойство снова к нему вернулось. – Мне пора.

– Тебе не нужно...

– Я должен. – Он поднялся и закинул рюкзак на плечо. – Спасибо за еду. И за торт.

– Спасибо, что съел его со мной, теперь я не чувствую себя такой жалкой.

– Ты не жалкая! – воскликнул Миллер и засунул руки в карманы. – Как думаешь, я могу взять еще один кусочек с собой?

– Возьми хоть весь. Я его не хочу.

– Нет, – тихо ответил он. – Я не заберу твой именинный торт. Только один кусочек. Для мамы.

– Ох. Конечно. – Я завернула кусок торта в салфетку и протянула ему. – Миллер?..

– Не надо, – прервал он меня, убирая торт в рюкзак.

– Откуда ты знаешь, что я хотела сказать?

– Я знаю, о чем ты хочешь спросить, но не стоит. Сегодня был прекрасный вечер. Я не хочу все испортить.

– Если ты скажешь мне, где живешь, это все испортит?

– Да, так и будет. Поверь мне. Это испортит нас.

– Нас?

– Нашу дружбу, – быстро поправился он. – Возможно, ты не захочешь со мной дружить.

– Сомневаюсь, но ладно. Я больше не буду к тебе с этим приставать.

Пока что.

– Спасибо. И спасибо за торт.

– Не за что, – ответила я.

Он направился к окну, и я прикусила губу.

– Увидимся завтра?

– Ты хочешь, чтобы я вернулся? – Его голубые глаза на мгновение загорелись, но затем он небрежно пожал плечами. – Ага. Может быть.

Я закатила глаза и стиснула ладони перед собой.

– Ох, может быть! Значит, я буду весь вечер ждать, тосковать по тебе, надеяться, молиться, чтобы ты вернулся.

Он тихонько рассмеялся.

– Ты такая чудная.

– А ты ворчун. Мы друг другу подходим. Не находишь?

Он кивнул. Его взгляд потемнел в полумраке.

– Увидимся завтра.

Миллер собрался вылезать в окно.

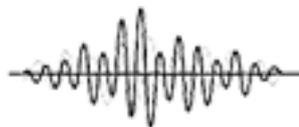
– Эй, погоди! – остановила я его.

– Забыла спросить твою фамилию. Она похожа на имя? Тэд? Джон?.. Ох! Тебя зовут Миллер Генри?

Он ухмыльнулся.

– Стрэттон.

- А моя Макнамара. Приятно познакомиться, Миллер Стрэттон.
- Он быстро отвернулся, и я едва успела заметить улыбку на его губах.
- С днем рождения, Вайолет.

О господи, Дневник, это просто безумие какое-то!!! Я только что затащила парня в свою комнату! Мы болтали, ели и смеялись, и мне казалось, что мы знакомы целую вечность. Я не знаю, как еще это объяснить. С Шайло было так же. Мы познакомились и сразу подружались. Миллер не похож на мальчиков из школы, которые пошло шутят и все дни напролет играют в видеоигры. Он глубже. Нет, глупо звучит. В нем сокрыто многое.

Его ворчливость меня тоже не беспокоит, и он не слишком возражал, что я задавала миллион вопросов. Но он все равно остается для меня загадкой. Кажется, понадобятся годы, чтобы узнать его всего. Он не сказал, где живет. У меня такое чувство, что они с мамой бедствуют. Он был так голоден, и одежда в плохом состоянии. Но вокруг такие огромные дома. Он не мог добраться сюда издалека.

Я пригласила его завтра. Надеюсь, придет. Хочется еще раз накормить его, только чтобы это не выглядело как благотворительность. Но больше всего мне хочется снова с ним пообщаться. Хочу познакомиться с ним поближе, и чтобы он тоже поближе меня узнал. Ведь это так редко происходит! Знакомиться с новым человеком... все равно что открыть подарок на день рождения.

Кстати, теперь у меня два друга. С днем рождения меня!

II

Миллер вернулся на следующий вечер, и еще через день, а потом приходил еще в течение двух месяцев, пока лето не подошло к концу. Моя первая подруга, Шайло, жила со своей бабушкой, но каждое лето проводила в Луизиане у родственников, так что Миллер прекрасно мне ее заменил.

Вечера мы проводили в моей комнате, что-нибудь перекусывали – Миллер всегда был голоден. Я занималась, а он писал в старой, помятой тетради. Он не показывал, что там написано, а я не совала нос не в свое дело. Но однажды я мельком заметила на странице что-то похожее на стих.

В большинстве случаев мы ходили в центр города или шли на набережную и играли на игровых автоматах, а потом прогуливались по пляжу. Иногда Миллер занимался подработкой в городе, чтобы хоть немного помочь маме. Он сказал, что она работает в закусочной, но он никогда не приводил меня туда и не знакомил нас.

Я же познакомила его с родителями, и по моей просьбе папа нанял Миллера раз в неделю работать во дворе, хотя у нас уже был садовник.

– Он заплатил мне пятьдесят баксов, – сообщил мне позже Миллер, после своего первого рабочего дня, и укоризненно посмотрел на меня. – Это слишком много.

– У нас большой двор, – невинно ответила я.

Он хотел было возразить, но, по-моему, в деньгах он нуждался больше.

Однажды поздним августовским вечером Миллер сидел с блокнотом на коленях и что-то строчил, пока я занималась.

Я закрыла тетрадь по алгебре и сняла очки, чтобы потереть глаза.

– Сделала. За один предмет в старшей школе можно теперь не переживать.

– Ты будешь, как в том старом сериале, «Дуги Хаузер», – произнес Миллер, доедая приготовленный мной бутерброд с ветчиной и сыром. – Уже в шестнадцать поступишь в колледж.

– Не-а. Я не настолько хороша.

– Ты чертовски умна, Ви, – возразил он.

Что-то новенькое. Он стал называть меня Ви. И мне это даже нравилось.

– Ты когда-нибудь расскажешь мне, что пишешь? – спросила я.

– Магистерскую работу для колледжа. – Он сунул блокнот в рюкзак. – Подумал, что тоже могу заранее об этом позаботиться.

– Ха-ха. – Я пожала плечами и вытянула перед собой ноги. – Я нервничаю.

– Почему?

– Завтра ты познакомишься с Шайло. Она вернулась из Нового Орлеана, и я подумала, что другу номер один пора встретиться с другом номер два.

– И ты переживаешь по этому поводу?

Я поиграла ручкой.

– Она может тебе понравиться больше, чем я.

– Тогда я не буду с ней знакомиться.

– Это... глупо.

– Ага, – согласился он, пристально глядя на меня, как будто запечатлевая в памяти весь мой облик ботаника. – Потому что она никогда не понравится мне больше тебя.

– Откуда ты знаешь?

– Просто знаю. – Глаза Миллера потемнели. – Кроме того, какое тебе дело? Тебе же нравится Ривер, как его там.

– Верно, но это всего лишь несбыточная мечта. С таким же успехом я могу влюбиться в Джастина Трюдо, потому что это только фантазии. И вообще, я переживаю не из-за того, что тебе понравится Шайло. Она говорит, что никогда не будет встречаться с мальчиком, хотя и не признается почему. Я боюсь, что вы поладите и станете лучшими друзьями. – Я повела плечом. – Не хочу остаться в стороне.

– Никогда этого не допущу.

Я разозлилась на себя за свою застенчивость.

– Ох, забудь. Я первой подружилась с ней и первой подружилась с тобой, так почему же именно я боюсь оказаться в стороне?

– Потому что ты все преувеличиваешь. – Миллер одарил меня своей редкой улыбкой. – Я даже не хочу с ней знакомиться. Я ее уже ненавижу.

Я ухмыльнулась.

– Ты не имеешь права ее ненавидеть. Не обращай на меня внимание. Я веду себя глупо.

– Скорее как параноик... – поддразнил он, зевая.

В последнее время вокруг его глаз залегли темные круги, а лицо в свете настольной лампы выглядело бледнее обычного. Миллер всегда казался немного грустным, но в последние дни это впечатление усилилось. Его грусть стала как будто глубже. Я несколько раз пыталась спрашивать о его усталости и головной боли, которая, похоже, часто его беспокоила. Но он всегда отнекивался и уверял, что с ним все в порядке.

Но он не в порядке, и это очевидно.

Я прикусила губу.

– Могу быть честной с тобой?

– А когда было по-другому?

– Ты неважно выглядишь. Все в порядке? Только не увиливай. Скажи мне правду.

– Я в порядке.

– Мне кажется, ты похудел...

– Я в порядке, доктор Макнамара. Просто болит голова.

– Ты все время это говоришь, но тебе не становится лучше. Это из-за приближения учебы? Ты переживаешь?

Миллер промолчал. Я встала из-за стола и села рядом с ним, но он вскочил на ноги.

– Мне нужно воспользоваться ванной.

Он вышел и закрыл за собой дверь. Я слышала, как он пописал и смыл воду.

– И это тоже – заметила я, когда он вышел. – Ты постоянно хочешь пить и часто бегаешь в туалет.

– Господи, Ви.

– Но так и есть. И это заставляет меня задуматься. – Я с трудом сглотнула. – У вас в доме нет... водопровода? Воды?

– Прекрати.

– Ты можешь мне рассказать, Миллер. Знаешь же, что можешь.

– Нет.

– Можешь, я...

– Забудь. Иначе не сможешь относиться ко мне как раньше. – Он закинул свой потертый рюкзак на плечо. – Мне нужно идти.

– Прекрасно, – ответила я, притворяясь злой. – Увидимся завтра.

– Ви... не будь такой, – устало произнес он. – Ты ничего не сможешь сделать, поэтому не нужно переживать.

– Я сказала «прекрасно». Ты не хочешь об этом разговаривать, потому и я не буду. – Я демонстративно потянулась и зевнула. – Пойду спать.

Он мгновение меня разглядывал, а затем кивнул.

– Ладно. Увидимся завтра.

– Ага.

Миллер вылез в окно. Когда он пропал из поля зрения, я надела обувь, схватила толстовку и выглянула из окна. Миллер спрыгнул на землю и направился обратно в лес. Я мысленно сосчитала до десяти, затем как можно тише вылезла из окна и двинулась следом.

Миллер маячил впереди темной, неясной фигурой, в тени разлапистых деревьев, загораживающих лунный свет. Было так темно, что я едва видела, куда ступаю. Я уже практически сдалась и решила повернуть обратно. Затем Миллер включил мини-фонарик, всегда привязанный к его рюкзаку, и его свет повел меня еще глубже в лес.

Мы свернули на проселочную дорогу, которой, вероятно, когда-то пользовались лесничие. Сейчас она вся была в выбоинах и заросла травой. Миллер держался края, направляясь на северо-запад, в глубь леса. Интересно, есть ли здесь так далеко домики? С другой стороны Погонипского леса располагался гольф-клуб. Может быть, его мама работала там по ночам и сотрудникам предоставляли жилье?..

«Неправильно. Все так неправильно».

Рядом со старой проселочной дорогой стоял универсал. Старый, оливково-зеленый, с деревянными панелями. Ржавый. Помятый. В окнах вместо занавесок висели футболки. На приборной доске валялась смятая женская кофта, упаковки от фастфуда и пустые стаканчики. Машина сильно увязла в земле, будто так долго не двигалась с места, что стала частью леса. Сердце сжалось, как от удара в грудь. Эта машина не собиралась доставлять пассажиров в пункт назначения. Она и была пунктом назначения.

Я выглянула из-за дерева, когда Миллер открыл заднюю дверцу автомобиля. Вытащил на землю переносной холодильник, открыл его и схватил бутылку с водой. Опустился на крышку холодильника и выпил всю бутылку. Его плечи обреченно поникли.

Мои глаза наполнились слезами. Я вышла из-за деревьев на дорогу, где лунный свет сиял ярче всего.

– Эй.

Он испуганно вскинул голову и снова опустил ее.

– Привет, Ви, – глухо отозвался он.

– Ты не удивился, увидев меня?

– Больше удивился, что ты не проследила за мной раньше. Ведь не следила?

– Нет, – ответила я. Теперь мы стояли друг перед другом, в темноте, и у меня надломился голос.

– Миллер...

– Не делай этого, – предупредил он, тыча в меня пальцем. – Не вздумай из-за меня плакать, черт тебя дерит, Ви. Не надо меня жалеть!

– Ничего не могу поделать. Я переживаю за тебя. И ты никогда не рассказывал... Никогда не говорил...

– А для чего?

– Для помощи. Ты никогда не просил помочь.

– Тут нечего помогать. Что ты можешь сделать?

Я беспомощно покачала головой.

– Не знаю. Что-нибудь. Что угодно.

– Ты меня кормишь. Этого достаточно. Даже слишком.

– Нет... – Я огляделась, пытаюсь понять, как двое людей могут жить в одной машине. Как они могли втиснуться в такое маленькое пространство.

«Как там может поместиться такой большой Миллер?»

– Где?.. – Я сглотнула и попыталась еще раз. – Где ты моешься?

– В Парке дружбы, в клубном доме.

– Он только для членов клуба.

– Я тайком. Ты не захочешь этого слышать, Ви.

– Нет. Неправда, захочу.

По моим щекам текли слезы.

«Он такой храбрый».

Не знаю, что я имела в виду под этим словом, но оно казалось верным. Храбрый, потому что так жил и никогда не жаловался, не воровал. Подрабатывал, как мог, чтобы помочь маме.

– Наркотики здесь ни при чем, если ты об этом подумала, – мрачно заявил Миллер. – Отец ушел и забрал все деньги.

– Ты говорил, что он умер.

– Потому что я хочу, чтобы он умер. Но он уехал, а нас выселили из нашей квартиры в Лос-Баньосе. Мама решила, что здесь мы начнем новую жизнь. Тут много работы. Но все так дорого, и чертова машина сломалась, мы не можем уехать. Но мама устроилась работать в кафе, а по ночам...

Он покачал головой, его голубые глаза блеснули в темноте. Я ждала, затаив дыхание.

– Иногда она делает всякие штуки с мужчинами за деньги. Ну как? Достаточно наслушалась? Хочешь знать, каково это – мыть голову в туалете гипермаркета? Или слушать, как мама возвращается в эту чертову колымагу, пахнувшая незнакомыми мужчинами, помада размазана, а она улыбается и говорит тебе, что все будет хорошо?

Я судорожно втянула воздух.

– Где она сейчас?

– А ты как думаешь?

– Она вернется сегодня ночью?

– Не знаю. Иногда ей разрешают остаться в мотеле, чтобы помыться и все такое. В таких случаях она спит на настоящей кровати. Я ее не виню. А утром она отправляется на работу в кафе.

Я вытерла нос.

– Оставь ей записку и забери свои вещи.

– Куда же я пойду?

– Со мной, Миллер. Ты пойдешь со мной.

Он выглядел слишком усталым, слишком разбитым, чтобы спорить. Он убрал холодильник и схватил свой потрепанный старый рюкзак.

– У тебя есть грязная одежда?

Он кивнул.

– Возьми с собой.

Я подождала на почтительном расстоянии, пока он вылез из машины с наполовину полным мешком для мусора. Мы молча двинулись обратно к моему дому. Миллер шел впереди, так как лучше знал дорогу. Вместо того чтобы обойти дом сзади и подняться по решетке, я провела Миллера через боковую дверь в гараж и напрямик в прачечную.

– А твои родители?

– Если они нас увидят, скажу, что ты измазался травой, пока работал в саду. Ты здесь, потому что твоя мама работает допоздна, и ты остался без ключей от... дома. – Горло сдавило. – Ты должен остаться на ночь.

Миллер вяло кивнул.

Я открыла огромную стиральную машинку, и он высыпал туда свою одежду и несколько маминих вещей. Потом я взяла его за руку и повела через весь дом наверх, в свою спальню, по пути остановившись у бельевого шкафа. Схватила полотенце и, войдя в свою комнату, указала ему на ванную.

– Прими душ, если хочешь. Или ванну. Мойся, сколько захочешь, но оставь у входа свою одежду, я ее тоже брошу в стирку.

– Хочешь, чтобы я отдал тебе свои трусы?

– Заверни их в джинсы. Мне все равно. Я не буду смотреть.

Миллер сделал, как ему было велено, и я отнесла сверток с его одеждой вниз. Она не так уж и плохо пахла. Лесом, кожаным салоном автомобиля и им.

Включив стиральную машинку, я направилась на кухню и схватила хозяйственную сумку. Бросила в нее две бутылки маминой любимой воды.

«Ни водопровода. Ни туалета. Ни раковины. Ни душа».

На глаза вновь навернулись слезы, но я сморгнула их и схватила еще две бутылки с водой. Я была полна решимости каким-то образом изменить жизнь Миллера, но в груди острым лезвием проворачивалось чувство вины за то, что я не последовала за ним раньше.

Должно быть, мама в тот день ездила в магазин: холодильник и кладовка были забиты. Я сделала два бутерброда с ветчиной и сыром и завернула их в фольгу, затем взяла пакетик чипсов «Доритос», упаковку шоколадного печенья и направилась наверх.

Миллер как раз выключал воду, когда я вернулась в свою комнату. Я поставила сумку и порылась в ящиках в поисках своих наименее девчачьих вещей: черно-белые клетчатые фланелевые штаны и белая толстовка с желтым банановым слизняком – символом Калифорнийского университета.

Дверь в ванную приоткрылась, и оттуда повалил пар.

– Эм, Ви?..

– Держи. – Я сунула одежду ему в руку.

Через несколько минут он вышел. Штаны были ему слишком короткие, но хорошо облегли талию. Он посмотрел на сумку с продуктами.

– Можешь поесть сейчас или взять с собой, – сказала я.

– Я устал.

– Тогда спи.

«В настоящей постели».

Я откинула одеяло и забралась в постель. Миллер замешкался и залез ко мне. Мы лежали на боку, лицом друг к другу. Он зарылся головой в подушку и вздохнул с таким облегчением, что я чуть не заплакала.

– Как долго? – спросила я.

– Одиннадцать недель, три дня, двадцать один час.

Я прикусила щеку изнутри.

– Ты больше не можешь там оставаться.

– Знаю. Когда начнется школа... Я не представляю, что делать, черт побери. Они меня заключают.

– Им не нужно знать. Но ты должен оттуда выбраться. Хотя бы в приют для бедных.

Миллер покачал головой, уткнувшись в подушку.

– Мама отказывается. Она говорит, что тогда меня у нее заберут. Говорит, что, по крайней мере, машина по-прежнему наша. Да и не факт, что все обязательно узнают. Никто не видит, как я прячусь в лесу. У меня есть шанс.

– А если вас выгонит лесничий?

– Мама собирает деньги на депозит, а я помогаю.

– Сколько времени это займет? Вы оба должны переехать сюда. У нас комнат более чем достаточно.

– Нет, Ви.

– Почему нет? Тебе не кажется, что твоя мама хотела бы... не делать того, чем занимается?

– Да, – выдавил он сквозь стиснутые зубы. – Но она никому не доверяет. И я тоже.

– Ты можешь мне доверять, Миллер.

Жесткое выражение его лица смягчилось. Он хотел было ответить, но на моем телефоне сработал таймер.

– Стирка. Сейчас вернусь.

Я поспешила вниз, мимо кабинета, где бубнил телевизор и из-под двери лился голубоватый свет. Папа все еще был изгнан из спальни на раскладной диван, в то время как мама уютно устроилась в их огромной кровати.

Я остановилась у двери кабинета. Можно попросить помощи у отца. Совета.

Потом подумала, что он разбудит маму, потому что Миллер в моей комнате – в моей кровати. Они будут в бешенстве, начнут читать нам нотации.

Значит, утром.

В прачечной я переложилась одежду в сушилку, а когда вернулась, Миллер, похоже, спал.

Я подвинула стул под дверную ручку на случай, если родители вспомнят о моем существовании, и выключила свет. Легла рядом с Миллером и натянула на нас одеяло. Уютно устроилась на подушке, но Миллер открыл глаза.

– Ви... – прошептал он.

– Я здесь.

– Что же мне теперь делать? – Его голос был хриплым, и мое сердце сжалось.

Как будто вот-вот расколется на тысячи кусочков.

– Спать, – ответила я, стараясь казаться храброй. Какой я и была, по его словам. – Мы что-нибудь придумаем.

Он покачал головой.

– Не знаю. Мы живем в автомобиле всего несколько недель, но мне кажется, что я там родился. Временами мне просто хочется, чтобы земля разверзлась и поглотила меня.

– Я этого не допущу. Ты мне нужен.

– Ты не можешь никому рассказывать. Поклянись, что не будешь.

– Миллер...

– Поклянись, или я уйду прямо сейчас и никогда не вернусь.

Он казался слишком измученным, чтобы двигаться, но я знала, что он поднимется и выползет из окна, если не пообещаю. Я зажмурилась, из глаз брызнули горячие слезы.

– Клянусь.

– Спасибо, Ви.

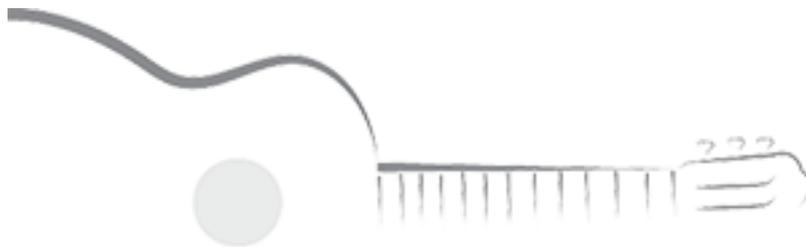
Я подавила рыдания, прижалась к нему и обняла. От него пахло чистотой, такой теплый, но худой. Слишком худой.

«Он похудел со времени нашего знакомства. Жизнь в машине его убивает».

Миллер на секунду напрягся, а потом притянул меня к себе, и я положила голову ему под подбородок. Мы идеально подходили друг другу, как кусочки мозаики.

Он глубоко вздохнул, и его грудь прижалась к моей щеке. Я слушала его сердцебиение, слишком быстрое, как мне показалось. Если бы я уже была врачом, то смогла бы помочь ему и не чувствовала себя такой беспомощной. Удары, казалось, отсчитывали секунды. Но до чего – я не знала. Может быть, чего-то плохого. Я погрузилась в сон, и страх последовал за мной.

III

На следующий день мы шли по обсаженным деревьями тротуарам в центре Санта-Круза, мимо симпатичных магазинчиков, ресторанов и художественных галерей. Мы направлялись в кафе «Брэвери», чтобы встретиться с Шайло. Я внимательно наблюдала за Миллером, отмечая бледность его лица. Проснувшись, я обнаружила в мусорном ведре моей спальни две бутылки из-под воды, и Миллер пожаловался на усталость, даже после того, как спал в моей постели.

– Я почти и не помню, когда спал в настоящей кровати, – сказал он в то утро. – Забыл, каково это.

У меня внутри все сжалось.

– Ты можешь спать в ней каждую ночь, – предложила я, хотя на самом деле это был приказ.

Если его мама будет ночевать в мотелях, я заставлю его спать в моей постели и пить столько воды, сколько захочется. Миллер безропотно и стойчески шел рядом со мной. Мы ежедневно очень многое принимали как должное: тепло, туалет, воду от простого прикосновения к крану. Уединение, личное пространство, постель. Миллера всего этого лишили, а он не жаловался и справлялся со всем в одиночку.

Перед ломбардом Миллер остановился и заглянул внутрь. В самом центре на подставке стояла акустическая гитара. Царапины портили бледный корпус, но на грифе более глубокий коричневый цвет выглядел дорого.

– Какая красивая, – заметила я.

– Это моя, – тихо пробормотал себе под нос Миллер. Я повернулась и посмотрела на него.

– Что?

Его глаза округлились, а затем он нахмурился.

– Черт, ничего, не обращай внимания. – Он быстро зашагал дальше, я едва поспежала за ним.

– Это твое? Я не знала, что ты играешь.

– Ты многого обо мне не знаешь.

– Полагаю, что так, – ответила я, стараясь скрыть обиду. – Хорошо получается? Давно играешь?

– С десяти лет. Когда у нас был компьютер, я научился играть по видеоурокам на YouTube.

– А ты умеешь петь?

Он кивнул.

– В основном каверы, но сам тоже кое-что пишу.

Я моргнула, увидев, как он раскрывается передо мной с другой стороны.

– Почему ты мне не сказал? Так вот что ты каждый вечер пишешь в блокноте? Сочиняешь песни? Ты мог бы сыграть для меня...

Миллер остановился и резко повернулся ко мне.

– Ну, для этого уже слишком поздно, не находишь? Господи, Ви! Ты когда-нибудь перестанешь задавать вопросы, помогать и... копаться в моем дерьме?

Я отшатнулась, как от пощечины.

– Я не... Я думала...

Он яростно провел ладонью по волосам.

– Мне не следовало говорить тебе о гитаре.

– Почему?

– Потому что теперь ты просто воспользуешься своими возможностями богатенькой девочки и выкупишь ее. Ты уже достаточно помогла. Ты сделала достаточно. Большого я принять не смогу.

Я поймала его напряженный взгляд, глубокий, засасывающий. В темной глубине его глаз плескалась боль. Неосуществленные желания, ощущение потери и вкус к жизни. То, что пробудилось в нем после горячего душа, настоящей постели и еды.

– Я не стану ее выкупать, – произнесла я.

– Пообещай мне.

Я прикусила губу, переминаясь с ноги на ногу.

Миллер выпятил челюсть.

– Я должен сделать это сам. Обещай мне, Вайолет.

– Пообещаю, если ответишь на один вопрос. Ты такой грустный последнее время не из-за отсутствия гитары?

– Я не грустный...

– Это было неделю назад, верно? Когда ты ее продал?

Он неохотно кивнул.

– Но я ее не продал, а заложил. Есть разница. Если продать, то потеряешь навсегда. А если заложить, то можно вернуть.

– А что, если ее купит кто-нибудь другой?

В глазах Миллера всколыхнулся страх.

– Мы должны ее вернуть, – заявила я. – Потому что ты сам не свой. Как будто потерял частичку себя, и я просто думаю...

– Не думай, Вайолет, – оборвал он меня, внезапно запыхавшись. Его лицо покраснело, как будто он только что пробежал марафон. – *Ничего не делай*. Просто оставь это. Пообещай.

– Ладно, ладно, я обещаю, – тихо сдалась я, в основном потому, что этот разговор его расстроил.

– Прости, что вспылел на тебя, – произнес он. – Ты была... очень добра ко мне. Черт возьми, благодаря тебе моя жизнь стала вполне сносной. – Он поднял руку, будто хотел пригладить прядки, выбившиеся из моего хвоста, но передумал и засунул ее в карман. – Ты – лучшее, что случилось со мной за очень долгое время. Я просто не привык... к удобствам. Долгий душ. Кровать. И теперь мне еще больше не хватает того, чего у меня нет.

– Я хочу, чтобы у тебя и дальше это было, – тихо произнесла я. – В моем доме. В любое время. И у твоей мамы. Все, что вам нужно.

Я коснулась кончиками пальцев его запястья, а затем сжала ладонь. К моему удивлению, глаза Миллера наполнились слезами, когда он посмотрел на наши руки. Его грубые пальцы переплелись с моими и держали так крепко...

Но потом он быстро отпустил меня и отвернулся. Мы молча двинулись дальше по улице. Как только прошли квартал, шаги Миллера стали неуверенными. Он немного пошатывался и периодически натыкался на стены ресторана или магазина, когда проходил слишком близко.

– Эй! – Я схватила его за руку. – Что случилось?

– Не знаю. Ничего. Просто пить хочется. Мне нужна... вода.

На другой стороне улице располагался магазин «7-Eleven», и Миллер прошаркал через дорогу напрямик к нему, даже не посмотрев по сторонам. Пикап ударил по тормозам и громко просигналил, но Миллер не обратил на него внимания.

Я поспешила следом.

– Миллер, эй! Ты меня пугаешь.

Он проигнорировал меня, его взгляд был прикован к «7-Eleven». Войдя в магазин, он направился к холодильникам с напитками и схватил самый большой «Гаторейд».

– Хочешь что-нибудь? – спросил он напряженным голосом, пока выуживал пятерку из переднего кармана джинсов.

– Нет, спасибо. – На сердце немного потеплело от того, что он пытался обо мне заботиться, даже когда ему пришлось заложить свое самое ценное имущество.

Миллер расплатился за воду, и мы завернули за угол. Он сполз по стене и выпил неоновую-желтую жидкость. Я наблюдала, как он несколькими глотками опустошил половину бутылки, а затем с облегчением прикрыл глаза.

– Лучше? – спросила я, присев рядом с ним. «Пожалуйста, скажи мне, что тебе лучше».

Он кивнул, но затем допил и вторую половину.

Я вытаращила глаза.

– Здесь был почти литр. Миллер...

– Я в порядке, док, – устало произнес он. – Мне пора возвращаться.

Он хотел было подняться, но я удержала его.

– Нет. Тебе нужна помощь. У тебя все лицо горит, а глаза словно стеклянные.

– Все хорошо. Клянусь. Иди к своей подружке без меня. – Он слабо улыбнулся. – Увидимся в понедельник в школе. Господи, ну разве это не круто? Первый день в школе. Не могу на хрен дождаться.

Я внимательнее присмотрелась к нему, снова жалея, что не могу прочитать его симптомы и заставить выслушать меня. Но он встал и пошел обратно, все еще держа в руке пустую бутылку из-под «Гаторейда». Хотя шел уверенно, как обычно.

«С ним все в порядке», – подумала я. Потому что так и должно быть.

Это логично, говорила я себе, направляясь к кафе. Жизнь в машине не могла не сказаться на Миллере. Стресс. Голод. Холод. Наверняка у него лихорадка из-за плохих условий. Одной ночи в моем доме явно недостаточно.

«Это должно прекратиться. Им нужна помощь».

Но я поклялась Миллеру, что не выдам его тайну. Он этого потребовал. И никогда больше со мной не заговорит, если я попытаюсь ему помочь. Хотя даже не представляю, как это сделать. Если станет известно, что он живет в машине, это его убьет. В нашем районе тоже жили бедные дети, но это не то же самое, что быть бездомным.

«Должен же быть какой-то выход, – думала я. – Я могу одолжить деньги у папы. Или быстро заработать. Может, взять из отложенных на колледж. Достаточно для первого взноса и первый месяц аренды квартиры».

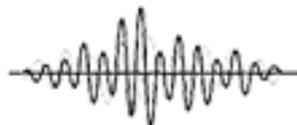
Мысли натыкались на кирпичную стену.

«А если после этого они не смогут каждый месяц платить за квартиру?»

Шайло помахала мне из кафе «Брэвери», на ее запястьях сверкало множество серебряных и медных браслетов. Я сменила встревоженный взгляд на улыбку. Она тоже не могла знать о ситуации с Миллером, хотя мне до смерти хотелось ей рассказать. Она бы стала настаивать, что я должна немедленно обо всем рассказать кому-то еще. Но я пообещала Миллеру, а свои обещания всегда нужно держать.

Хотя иногда это нехорошо и неправильно.

Иногда это может стать худшим поступком в твоей жизни.

В тот вечер я оставила окно своей спальни открытым, чтобы услышать Миллера, если он появится. Все было тихо до девяти или около того, а потом послышался звук, как будто кто-то продирался через лес. Я посмотрела вниз и увидела спотыкавшегося Миллера, он что-то бормотал себе под нос. Как будто пьяный.

– Миллер?

Он поднял лицо, и у меня перехватило дыхание от того, насколько он был бледен. Как привидение. Он смутился. Как будто не узнавал меня.

«О боже, это плохо. Очень плохо».

Он что-то пробормотал и упал на колени. Я как можно скорее спустилась по шпалере и оступилась. Ладони заскользили по дереву, и я свалилась на землю как раз в тот момент, когда Миллер открыл кран нашего садового шланга. Он пил из него так, словно умирал от жажды. Как будто несколько месяцев провел в пустыне. В нос ударил запах мочи, от которой потемнели его штаны, и еще какой-то фруктовый запах, которому здесь не место.

– Миллер, подожди... Пожалуйста, остановись.

Я потянулась, чтобы забрать у него шланг. Меня ужасала его дикая жажда. Словно бешеный зверь, он направлял струю в рот, захлебываясь, заливая водой лицо и футболку. Он оттолкнул меня и продолжал жадно пить, пока не закрыл глаза, показывая белки. Затем его тело обмякло, и он тяжело рухнул на землю. Не двигаясь.

Из меня вырвался сдавленный крик. Сердце бешено колотилось о ребра. Я отбросила шланг в сторону, подползла к Миллеру и прижалась ухом к его мокрой от воды груди. Он все еще дышал, сердце билось, но слабо.

– Кто-нибудь, помогите!

Темная ночь поглотила мой крик. Я в отчаянии раскачивалась взад и вперед, ища в карманах телефон, который наверняка оставила наверху.

Он оказался в заднем кармане.

– Ох, слава богу. – Дрожащими руками я набрала 9-1-1. – Держись, Миллер. Пожалуйста. Держись...

Говорят, что когда вот-вот умрешь, вся жизнь мелькает перед глазами, но никто не говорил, что то же самое происходит, когда вы теряете дорогого вам человека. Словно в ускоренной съемке, я уже видела похороны Миллера, первый день школы, который я проплачу в одиночестве в своей комнате...

Сейчас два часа ночи, а я только что вернулась из больницы.

Вчера Миллер выпил огромный «Гаторейд», как мальчишка из университетского братства пиво на спор.

Сегодня ночью он отключился у меня во дворе, высасывая воду из садового шланга, словно пытался утопиться.

Я позвонила 9-1-1, а потом мама кричала на меня из окна моей спальни, а папа бегал по заднему двору. Появились пожарные машины, «скорая помощь», и все спрашивали меня, что случилось. Все это время Миллер лежал у меня на коленях, едва дыша, не шевелясь, с бледным, как смерть, лицом.

Меня не пустили с ним в «скорую», а так как я не могла связаться с его мамой, он ехал один. Совсем один. По дороге в больницу родители допрашивали меня о том, почему Миллер оказался у нас поздно ночью, часто ли это случалось и что, черт возьми, происходит?

И поскольку мои родители всегда оставались верными себе, они принялись обвинять друг друга, что никто не обращал внимания, а теперь в мою комнату каждую ночь прокрадывается «газонокосильщик».

Хорошо. Пусть и дальше грызутся как собаки, по крайней мере они хотя бы не спрашивают меня о Миллере.

Но в больнице спрашивали копы. Врачи, социальный работник... Они все хотели о нем узнать, чтобы связаться с его родителями, пока его везли в реанимацию для неизвестно какого лечения. У него случился инсульт? Аневризма? Никто ничего мне не говорил.

Рыдая так, что едва могла видеть, я рассказала все, что знала. Что мать Миллера, Лоис Стрэттон, днем работала в круглосуточном кафе на 5-й улице. Я сказала, что по ночам она тоже работает, но Миллер не говорил мне где. По крайней мере, я почти не врала.

Где он живет? Адрес?

Я заплакала еще сильнее, когда сказала им, что у него нет дома. Я не хотела нарушить свое обещание, но какая-то часть меня испытала облегчение. Вдруг теперь кто-нибудь им поможет.

Во мне теплилась надежда, что слухи об этом не разнесутся по школе, но одним из полицейских оказался Митч Дауд, отец Фрэнки. Он расскажет Фрэнки, а Фрэнки всем разболтает, катаясь на своем скейтборде, воображая себя Полом Ревиром².

В приемной я мысленно попросила у Миллера прощение, сказала, что он может злиться на меня сколько угодно, лишь бы очнулся и с ним все было в порядке.

После, казалось, бесконечного страшного ожидания, нам наконец сообщили новости. Ювенильный диабет I типа. Уровень сахара в крови Миллера почти превысил шестьсот миллиграммов, и один из врачей употребил термин «Гиперосмолярная диабетическая кома». Я, конечно, слышала о диабете, но об остальном не имела ни малейшего представления, кроме того, что он чуть не умер.

Врачи сказали, что состояние Миллера стабильное. Полиция сказала, что найдут его маму. Ничего не оставалось делать, как идти домой.

В машине мои родители были слишком уставшими, лишь вяло огрызались друг на друга, и отправили меня спать с обещанием «поговорить обо всем утром».

Но не успела я закрыть за собой дверь, как они снова вскинулись обвинять друг друга в том, что не знают, что происходит под их собственной крышей.

Я их ненавижу. Я люблю Миллера.

Говорю это сейчас впервые, записываю черным по белому, потому что это абсолютная правда. Я никогда раньше не чувствовала ничего подобного. Как будто мое тело ожило и все чувства обострились. Но мне страшно. Я уверена, что он не чувствует того же. Да и с чего бы? Я – занудная, надоедливая девчонка, которая лезет в его дела. Он всегда так говорит. Но мы же друзья. Он мой лучший друг. Родственная душа, так называют человека, без которого не можешь жить? Человека, ради которого ты готова на все, лишь бы он был счастлив.

² Основатель рок-группы Paul Revere & the Raiders.

В этом я уверена. Я не могу потерять его снова. Но чем больше люди давят друг на друга, тем хуже все становится. Взгляните на моих родителей. Когда-то они тоже были лучшими друзьями.

Я не собираюсь все усложнять и портить между нами. Но я могу позаботиться о нем, чтобы он был в безопасности.

И буду делать это всегда.

IV

Тогда я понял, что буду любить ее вечно.

Врачи ушли. Они объяснили мой диагноз, и он придавил меня тяжелым грузом. Всю оставшуюся жизнь мне придется следить за тем, что я ем и пью, словно на диете «Весонаблюдателей», постоянно измерять и подсчитывать углеводы, отвешивать граммы сахара, чтобы показатели оставались стабильными. Физические упражнения – это прекрасно, говорили врачи, но я должен быть осторожен, иначе могу ослепнуть, потерять ногу или впасть в кому и умереть, как Джулия Робертс в любимом мамином фильме. Скованному по рукам и ногам правилами, диетами и ограничениями, мне придется нести бремя уколов и таблеток всю оставшуюся жизнь.

Затем в моей больничной палате появилась Вайолет. На ней были надеты желтая футболка и джинсовые шорты. Блестящие черные волосы наспех собраны в хвост, а темно-синие глаза за стеклами очков полны сочувствия и беспокойства. За меня.

А в руке у нее была моя гитара.

Тело словно весило тысячу фунтов, но с души в этот момент свалилась тяжелая ноша.

– Ты обещала... – прохрипел я.

– Не понимаю, о чем ты говоришь, – произнесла она дрожащим голосом, пытаясь улыбнуться и сдерживать слезы. Она положила гитару мне на колени. – Тебе вообще нравятся гитары? Я не знала. Это подарок для выздоровления. Увидела ее в витрине и решила, что должна ее тебе подарить.

Плотина прорвалась, и ее плечи сотрясли рыдания. Я не мог поднять руки, чтобы обнять ее, когда она уткнулась лицом мне в бок.

– Мне жаль. Мне так жаль, – плакала она. – Я должна была... сделать больше. Господи, я же хочу стать врачом, но ничего не заметила. Никаких признаков.

– Ты спасла меня.

Вайолет резко выпрямилась и сняла очки, чтобы вытереть глаза.

– Нет. Я позвонила в 9-1-1. Но все не зашло бы так далеко, если бы я что-нибудь предприняла раньше.

Я покачал головой. Пальцы потянулись к гитаре, чувствуя ее гладкое дерево и вес на коленях. Папа подарил мне ее на мой десятый день рождения. Тогда еще были хорошие времена. Когда она впервые оказалась у меня в руках, я почувствовал, словно мне вернули какую-то часть меня, о которой я раньше и не подозревал.

Вайолет была права – заложить гитару было равносильно тому, чтобы оторвать конечность и отдать ее тому потному парню за прилавком. Не думал, что когда-нибудь снова возьму ее в руки.

А теперь мне ее вернули. Теперь я могу играть и петь для Вайолет все песни, которые написал в ее комнате, пока она сидела в футе от меня и не подозревала, насколько совершенна...

– Но я никогда больше не буду такой невежественной, – сообщила Вайолет, снова надевая очки и выпрямляясь. – Диабет 1-го типа требует инъекций инсулина, контроля уровня глюкозы и соблюдения диеты. Я собираюсь изучить этот вопрос. Научусь делать инъекции и прокалывать палец, считывать показатели и следить за тем, чтобы твое состояние оставалось стабильным. И собираюсь контролировать тебя, чтобы ты выполнял все указания, заботился о себе, чтобы никогда... больше никогда...

Ее снова захлестнули рыдания, и из глаз полились слезы.

– Ви, не надо...

– Я так испугалась, Миллер, – прошептала она. – Прости.

– Ты не виновата.

Это меня разрывало чувство вины за то, что она видела меня таким, но в груди расцветала надежда. Ее слезы, ее страдания... Они могут означать только одно.

Она тоже меня любит...

Потом пришла медсестра и показала, как проверять кровь на датчике, который измеряет уровень сахара. Ви внимательно наблюдала, мысленно делая заметки.

– Можно мне посмотреть? – спросила Ви, когда медсестра закончила. – Когда-нибудь я стану врачом.

– Как закончишь, выброси в мусорное ведро. – Медсестра отдала ей индикаторную пластинку и вышла из комнаты. Вайолет подождала, пока она уйдет, и проколола себе палец.

– Что ты делаешь?

Она взяла меня за руку и прижала палец с рубиново-красной каплей крови на кончике к моему.

– Обещай мне, – произнесла она. – Обещай мне, что мы всегда будем друзьями. Я не могу снова потерять тебя. Никогда...

Всегда быть друзьями.

Мне хотелось рассмеяться и сказать ей, что это невозможно. Что я пересек границу в ту ночь, когда мы познакомились. Что рядом с ней вся моя жизнь собирается воедино из осколков, пусть даже ненадолго. Мы месяцы проводили вместе, и каждую минуту я пытался найти в себе мужество сказать ей, что бедный бездомный ребенок, которому нечего предложить, готов отдать за нее жизнь.

Я с трудом сглотнул и подавил рвущиеся наружу слова, потому что мне тринадцать и я не должен любить такую девушку. Так рано. Так всепоглощающе.

– Я обещаю...

Часть II

Четыре года спустя

1

Миллер

– Я обещаю...

Я ударился лбом о стекло, когда автобус попал колесом в выбоину, выдернув меня из моих мыслей. Из воспоминаний о том утре в больнице, которое было лучшим и худшим одновременно. В тот день я не только понял, что люблю Вайолет, но и отпустил ее.

– Глупое чертово обещание.

Я оглядел почти пустой салон; было темно, и никто, казалось, не слышал меня. Или притворились. Футляр с гитарой лежал у меня на коленях, и я крепче сжал его, нервничая.

Теперь мы жили в разных концах школьного округа. Оказывается, моя госпитализация и поставленный четыре года назад диагноз имели и положительный эффект. Для подобных мне детей и их семей существовала благотворительная программа, чтобы помочь им встать на ноги, а также чтобы я ненароком не прикончил себя в машине, пытаясь ввести инсулин. Нам выделили социальное жилье на задворках на скалистом утесе с видом на пляж Лайтхаус.

Теперь для встречи с Вайолет мне приходилось ехать на автобусе, а не шататься вечерами по темному лесу, но я все равно старался видеть ее как можно чаще. Насколько позволяло ее свободное время, которого с каждым годом становилось все меньше.

«Она ускользает, потому что ты бесхребетный осел».

После того как Вайолет вернула мне гитару, она каждый вечер просила поиграть ей. Я раньше никогда ни для кого не играл. Она мой первый слушатель. Сидя вечерами в ее комнате, мы делали уроки или разговаривали, а потом она просила меня спеть. Что я и делал. Вместо того чтобы рассказать ей о своих чувствах, я пел и играл, а она так и не узнала. Даже не подозревала.

Она считала себя слишком скучной, чтобы понравиться парню, а я был слишком труслив, чтобы сказать ей, как она ошибается.

Я прятался за чужими песнями. Например, «Yellow» от Coldplay. Ее любимая. Она стала «нашей песней». Вайолет думала, что я выбрал ее, потому что она хорошо звучит на акустической гитаре. Но не подозревала, что каждое стихотворение посвящено ей. И она всегда плакала, повторяя снова и снова, какой я талантливый. Одаренный. Пророчила мне славу.

Я ей не верил, но знал, что хочу заниматься музыкой всю оставшуюся жизнь. Вайолет показала мне правильный путь, и я полюбил ее за это. Любил по тысяче причинам, но она высоко ценила нашу дружбу, поэтому я, стиснув зубы, уважал ее решение.

Я позволил ей болтать глупости о том, как ужасна любовь и как она все разрушает.

Позволял слушать, как спорят ее родители, и думать, что так происходит со всеми.

И я обещал быть ее другом. Поклялся на крови.

А чтобы вонзить нож еще глубже, она продолжала восхищаться этим ублюдком Ривером Уитмором. Я подозревал, что она лелеяла свое увлечение, потому что это было безопасно. В душе Вайолет тоже жили свои демоны, просто другие.

Но я больше не мог этого терпеть. Завтра был первый школьный день. Мне предстоял еще один год – наш выпускной год в старшей школе – и Вайолет никогда не узнает, что я чувствую. Я должен сказать ей, пока не стало слишком поздно. Убедить ее отбросить страх и увидеть, как хорошо и правильно нам будет вместе. Насколько идеально, черт побери.

Насколько мы подходим друг другу.

Должно быть, Вайолет меня ждала, потому что, как только я обошел ее дом, окно тут же открылось.

– Иди сюда, быстро!

Она помахала мне, в руках у нее шуршал белый прямоугольный конверт. Ее родителям было все равно, войду я в парадную дверь или нет. Но каждый вечер я взбирался по шпалере, как Ромео в пьесе. Только в той версии, где Ромео у Джульетты во френд-зоне. Жестоко.

Сначала я просунул в окно футляр с гитарой, и Ви осторожно отложила его в сторону, пока я, как обычно, заползал внутрь. И, как обычно, у меня перехватывало дыхание от ее вида.

Когда мы познакомились, Вайолет Макнамара была заучкой, как она сама себя назвала, но за последние четыре года превратилась из теплой, пушистой гусеницы в настоящую бабочку – глаза глубокого синего цвета, блестящие черные волосы и тело, которое благодаря футболу было в прекрасной форме, но округлое во всех правильных местах.

Для меня она само совершенство.

Мне нравилось, как она в задумчивости проводила языком по брекетам или как полировала очки о футболку, серьезная и умная, словно профессор колледжа.

Чертовски умная.

Два года назад она сняла брекеты. Вскоре после этого ей попали по лицу во время игры в футбол. Думаю, ей выписали дерьмовые контактные линзы, потому что она до сих пор не видела, насколько красива. А может, и видела, хотя никогда не говорила об этом. Но ее уверенность росла вместе с ней. Теперь она общалась не только со мной и Шайло, а еще и с подругами по учебной группе, девушками из футбольной команды, участвовала в дебатах и вступила в клуб математики и науки. Ее все любили, в том числе и популярные ученики.

Такие, как чертов Уитмор.

Я кашлянул и переключил свое внимание на конверт в ее руке.

– Ну что, получила?

– Да! – воскликнула она и смерила меня взглядом. – Какие показатели?

– Я... что? Все в порядке.

– Когда ты в последний раз ел?

Я закатил глаза, но от ее заботы по телу разлилось тепло.

– После работы. Перед тем, как сесть в автобус.

Вайолет сузила свои большие, невероятно темные синие глаза, внимательно рассматривая меня, словно своего будущего пациента.

– Могу я?..

Я усмехнулся, когда она схватила меня за запястье, чтобы посмотреть данные на умных часах, подключенных к устройству непрерывного мониторинга глюкозы. Маленький датчик CGM с вставленной под кожу иглой крепился к моему животу. Он постоянно контролировал уровень глюкозы в крови, а показатели высвечивались на часах. Если они становились слишком низкими или слишком высокими, часы издавали сигнал. Подарок от штата Калифорния, поскольку мы были слишком бедны, чтобы позволить себе такую роскошь.

– Хорошо, – протянула Вайолет, отпуская мою руку. – Показатели хорошие, но, если захочешь есть или что-нибудь еще, говори.

– Хватит тянуть время и давай, рассказывай. Тебя взяли или нет?

– Я еще не открывала. Ждала тебя. – Она начала было вскрывать конверт с логотипом Медицинского центра Калифорнийского университета, но остановилась. – А что, если я им не нужна?

– Как это ты можешь быть им не нужна?

«Вообще кому-либо?»

– В Волонтерской программе по уходу за пациентами большая конкуренция, – начала было она, но я отмахнулся от ее слов.

– У тебя результат GPA – один на миллион, и ты отлично прошла собеседование. Не говоря уже о том, что это твое призвание. Так что открывай уже конверт и получи свое направление.

– Верно. Ладно.

Вайолет открыла конверт. Улыбка, озарившая ее лицо, вошла в мою следующую песню.

– Ох, ни фи́га ж... – выдохнула она и прикрыла рот рукой.

Она пробежала глазами первую страницу.

– Меня взяли. Взяли!

Она бросилась мне на шею. Ее тело дрожало от возбуждения, и я обнял ее так крепко, как только осмелился. Вдохнул ее свежий цветочный аромат и позволил себе на мгновение коснуться пальцами шелка ее волос. Она грудью прижалась к моей груди, и я с трудом сдержался, чтобы не скользнуть ладонями по ее стройной талии ниже, к широким бедрам и округлой попке. Она была не просто красива, но еще и соблазнительна... о чем мне частенько напоминало мое семнадцатилетнее тело.

Я отстранился от нее прежде, чем мой член возьмет на себя смелость сообщить о пошлых мыслях. Я хотел ее, отчаянно, но сначала она должна узнать, как сильно я ее люблю.

Она вцепилась в листок обеими руками.

– Поверить не могу. Мне просто необходима эта Волонтерская программа. Вишенка на торте к моим шансам поступления в медицинский колледж.

Я ухмыльнулся.

– Ты уже упоминала об этом не раз и не два.

– Не умничай. – Она дружески ткнула меня кулаком в плечо и открыла вторую страницу. – Давай посмотрим, к кому меня прикрепили. Надеюсь, это ты.

Я небрежно прислонился к ее столу, не позволяя показать, как сильно мне этого хочется.

Мне не нужен волонтер, если им окажется не Вайолет, но мой эндокринолог рекомендовал воспользоваться этой программой. Справляться с моим видом диабета трудно, труднее, чем с остальными. Будь Вселенная ко мне благосклонна, Вайолет прочла бы мое имя и адрес. Тогда она бы приходила ко мне два раза в неделю, помогая измерять глюкозу, колоть инсулин, проверять наличие игл и шприцов, правильных продуктов в холодильнике. Вайолет и так почти все это делала, просил я ее или нет, но, если бы ее официально ко мне прикрепили, ей пришлось бы два раза в неделю бросать бесконечную учебу и новых популярных друзей. Она была бы в моем полном распоряжении.

Но Вселенная оказалась не только не благосклонна, но и откровенно жестока.

– О боже, – выдохнула Вайолет, опускаясь на кровать. Она подняла на меня свои темносиние глаза, в которых промелькнул страх.

– Что там? Кто?

– Может, мне не стоит тебе говорить. Врачебная тайна.

– Да брось, Ви. Это же я. Ты же знаешь, что я никому не проболтаюсь.

Вайолет закусил губу.

– Поклянись, что не расскажешь. Потому что это серьезно. Серьезнее, чем я ожидала.

– Клянусь.

Она понизила голос:

– Меня прикрепили к Нэнси Уитмор. Маме Ривера.

«Ривер, мать его, Уитмор. Ну конечно».

Я прокашлялся.

– Она больна?

Вайолет кивнула.

– Здесь не указаны подробности, но буквально на днях папа отвозил свою машину в уитморскую автомастерскую. Когда он вернулся, они с мамой тихо разговаривали. Я больше одного раза услышала слово «рак». – Она опустила руку. – Господи, бедный Ривер. Наверное, поэтому он этим летом не веселился с нами.

«Нами» было относительным понятием, но я пропустил это мимо ушей. Никогда не общался с популярными друзьями Ви, но эгоистично радовался, что летом она была практически свободна от общества Ривера. И все из-за болезни его мамы.

«Вселенная та еще стерва».

Себя я ощущал не лучше.

Вайолет испуганно посмотрела на меня.

– Господи, а что, если все совсем плохо?

– А чего они от тебя ждут? – спросил я, чувствуя растущее желание защитить ее. – Не что-нибудь трудное?

– Нет-нет, простые вещи. Поменять постельное белье, принести поесть, почитать ей, заботиться, чтобы ей было удобно.

Я нахмурился.

– По мне, очень похоже на заботу об умирающем.

– Но так и есть, разве нет?

– Ты готова к этому?

Вайолет кивнула и выпрямила спину, на ее лице заиграло фирменное упрямое и решительное выражение.

– Я могу это сделать. Я хочу помочь. И если собираюсь стать врачом, то это тоже будет частью моей работы, верно? Как хорошей, так и плохой.

– Наверное. Следить за тем, чтобы семнадцатилетний диабетик ел овощи, и ухаживать за умирающей женщиной – не одно и то же.

Вайолет махнула рукой.

– Но все может оказаться не таким серьезным, как мы думаем. Вдруг ее смогут вылечить, и она выздоровеет. Мы не должны предполагать худший сценарий.

Я промолчал. По моему опыту, единственный способ к чему-то подготовиться – это предположить худшее. В тот вечер мне следовало прислушаться к собственному совету.

– Будь осторожна, – произнес я. – Если будет слишком тяжело, скажи им.

Вайолет улыбнулась.

– Хорошо.

«Ты этого не сделаешь».

Если мама Ривера была смертельно больна, Вайолет останется с ней до конца, независимо от того, сколько нервов от нее это потребует. Но самое ужасное состояло в том, что она будет ходить к Риверу дважды в неделю. Я ненавидел терзавшую меня ревность, в то время как мама бедолаги могла умереть. Но я знал, как все произойдет. Вайолет в качестве сестры милосердия еще больше очарует Ривера Уитмора, и он влюбится в ее храбрую и сострадательную душу. Да и как иначе?

Со мной именно это и произошло.

Вайолет заметила мое мрачное выражение.

– Мне очень жаль, что меня не приставили к тебе, но я рада, что тебе тоже кто-нибудь поможет. Не доставляй хлопот своему волонтеру, ладно?

– Кто, я?

– Seriously. Я за тебя переживаю.

– Не стоит.

Вайолет закатила глаза.

– Как будто это возможно. – Она склонила голову набок и встала, шагнув ко мне поближе. Я чувствовал аромат ее духов и мыла, которым она пользовалась в душе. – Сейчас ты выглядишь немного бледным. Чувствуешь слабость? Не хочешь перекусить?

– Я не хочу есть! – практически выкрикнул я, заставив ее вздрогнуть.

На фоне серьезной болезни ее будущей подопечной песня, которую я собирался спеть для Вайолет, казалась глупой и невероятно эгоистичной. Да и как я мог рассказать о своих чувствах, когда Ривер занимал все ее мысли?

Я вцепился в край стола так, что заболели костяшки пальцев. Во мне боролись злость на Уитморов за то, что они разрушили мой план, и глубокое сочувствие из-за ворвавшейся в их жизнь трагедии.

Поэтому я поступил очень по-взрослому и выместил свою злость на Вайолет.

– Миллер?..

– Я в порядке, – выдавил я сквозь зубы. – Все такой же. А вот ты меняешься. Что, черт возьми, с тобой происходит?

– Со мной? – Вайолет опустилась на кровать. – Что ты имеешь в виду?

– Ты стала отдаляться.

Она моргнула.

– Когда?

– Последнюю неделю. Этим летом. Весь прошлый год. С тех самых пор, как начала общаться с Ри... Эвелин Гонсалес и ее друзьями. Значит, вот что случилось в этом году? Мы уже недостаточно крутые для тебя?

Господи, мое раздражение теперь несло со скоростью поезда, который я не мог остановить.

– Ты же знаешь, что это неправда, – возмутилась Вайолет. – И кто мы? Шайло что-то сказала? Я только вчера была с ней...

– Нет.

– А ты? Мы же прямо сейчас вместе. – Она расстроилась. – Ты действительно думаешь, что в прошлом году я тебя избегала в школе? Это неправда.

– Не надо меня жалеть, черт подери, Ви! Я просто говорю то, что я – мы – заметили. Что-то изменилось, и уже давно.

– У меня появились новые друзья. Но это не значит, что я забываю о своих старых.

– Ну да. Как дела с Ривером? – процедил я сквозь зубы.

– Кроме того, что его мама, возможно, умирает? Нет никаких «дел». Я уже сотню раз тебе говорила. Он едва ли со мной разговаривает. Мы не встречаемся и ничего такого.

– Пока.

Она скрестила руки на груди.

– Ревнуем, да?

Я с трудом сглотнул. Ну вот. Сейчас или никогда. Исповедаться или навеки погрязнуть в страданиях.

Между нами повисло напряженное молчание, и Вайолет испуганно уставилась на меня, боясь, что я вот-вот разрушу нашу дружбу. Нарушу нашу клятву на крови.

Я играл желваками в борьбе с собой, как вдруг снизу, словно извержение, раздались громкие крики – один низкий, другой более высокий. Как всегда, это выбило Вайолет из колеи, омрачило ее радость. Она оторвала от меня взгляд и уставилась в пол, затем вздрогнула, так

как снизу донесся звук бьющегося стекла. По лестнице загрохотали шаги. Мы оба замерли, когда голоса ее родителей стали громче.

– Нет, Линн, ты не сделаешь этого, – закричал отец. – Не поступай так с ней.

– Не указывай мне, что делать, – выплюнула мама. – Это касается нас всех.

Я инстинктивно встал перед Вайолет, когда распахнулась дверь и в проеме появились родители. При виде меня мама Вайолет резко остановилась. Она пригласила выбившуюся из-за спешки прядь темных волос и выпрямила спину. Отец Ви был крепко сбитым мужчиной, во времена колледжа он играл в футбол. В помятой рубашке с расстегнутым воротом, он и выглядел как бывший полузащитник. У них обоих был измученный вид.

– Что ты здесь делаешь так поздно? – требовательно спросила Линн Макнамара.

– Линн... – Винс закатил глаза и устало улыбнулся мне.

– Привет, Миллер.

Я кивнул.

– Здрасти.

Линн смерила дочь тяжелым взглядом.

– Уже почти одиннадцать. Тебе завтра в школу.

– Я знаю, мам...

– И вот честно, Миллер, у нас открыта входная дверь. Мне даже думать не хочется, насколько все плохо с моей шпалерой.

– Ты уже много лет ничего там не сажала, – заметила Вайолет.

– Конечно, нет, – ответила Линн. – Зачем, если каждый вечер там будут все вытаптывать? – Она повернулась ко мне. – Ведь каждый вечер, молодой человек? Что ты делаешь в спальне моей дочери?

Вайолет покраснела.

– Мама. Я тебе миллион раз говорила, Миллер – просто друг. Мой лучший друг. – Она умоляюще посмотрела на меня. – Разве не так?

Сердце дрогнуло, и я скорее почувствовал, как кивнул. Горло сдавило.

– Ага. Верно.

Взгляд Вайолет благодарно смягчился, но потом снова стал жестким, когда она повернулась к родителям.

– И вообще, что вы здесь делаете? Вы не можете вот так врываться.

– Прости, милая, – произнес Винс, хмуро глядя на жену. – Ты абсолютно права.

Линн фыркнула, но уже спокойнее.

– Обсудим это утром. – Ее взгляд метнулся ко мне. – Все обсудим.

Она вылетела из комнаты, а Винс последовал за ней, вымученно улыбувшись.

– Не сиди долго, Ви. Спокойной ночи, Миллер.

Дверь захлопнулась, и Ви тут же сникла. Я обнял ее, прижал к себе.

– Прости, – прошептала она мне в грудь. – Боже, это так унижительно.

– Все в порядке, Ви.

– Раньше все было по-другому. Мы сидели за общим столом и смеялись. Разговаривали. Они так любили друг друга. Однажды мама сказала мне, как ей повезло, что она вышла замуж за своего лучшего друга. Мы были так... счастливы.

Я вздохнул, мне стоило попытаться. Осторожно.

– Не все пары заканчивают так, как твои родители.

«Я не позволю этому случиться с нами. Никогда».

Она крепче обняла меня и подняла залитое слезами лицо.

– Скажи мне правду, Миллер. Мы... в порядке?

Храбрый тон не мог скрыть страх в ее глазах. Мучительная истина заключалась в том, что она нуждалась во мне как в друге. Уже несколько лет ее семья разваливалась на глазах, заставляя Вайолет хвататься за любую константу в собственной жизни.

Например, нашу дружбу. Пусть это и разрывает мне сердце в клочья.

Я с трудом сглотнул. Подавил все слова, которые пришел ей высказать и спеть. Мне даже удалось слабо улыбнуться. Ради нее.

– Да, конечно, у нас все хорошо. Я уже говорил. Ничего страшного. – Я закинул рюкзак на плечо. – Мне нужно идти.

Вайолет не протестовала, и это было еще хуже.

В ее собственной улыбке сквозила неуверенность и надежда. Она вытерла слезы.

– Увидимся завтра в школе. Первый день выпускного года. Думаю, он будет самый лучший.

– Ага, – отозвался я, поднимая футляр с гитарой и направляясь к окну. – До встречи, Ви.

– Миллер?

– Что?

– Спасибо.

Ее глаза сияли и были полны благодарности. Боже, как она прекрасна в своих пижамных шортах и футболке! Спортивное тело благодаря футболу, но с соблазнительными изгибами, мудрый взгляд, а улыбка... Улыбка могла в мгновение ока пробить защиту любого парня и поставить его на колени. Обнаженного, уязвимого и изнывающего от желания...

Я улыбнулся, чувствуя в сердце нож.

– Пожалуйста.

На обратном пути в автобусе казалось темнее. Салон опустел, а пустынные улицы за окном погрузились в черноту ночи. Гитара тяжелой ношей лежала на коленях. Тысячи неслышных нот рвались наружу.

«Она не настолько тебя любит. Смирись с этим».

Я собрал осколки своей гордости и заделал трещины в сердце. Урок усвоен: любить кого-то недостаточно, чтобы удержать его. Не сработало ни с отцом. Ни с Вайолет.

Не знаю, почему я все время ждал чего-то другого.

2 Миллер

Я вышел из автобуса в нескольких кварталах от дома, возле скал, смотревших на океан, и чуть не споткнулся, спускаясь по ступенькам. Земля качнулась под ногами, а руки задрожали. Автобус зашипел и с грохотом умчался в ночь, а в этот момент засигналили мои часы. Я уставился на цифры. 69 и падает.

– Черт.

Я тяжело опустился на бордюр и порылся в рюкзаке в поисках глюкозных жевательных конфет, которые мне прописал врач. Апельсиновый сок действовал быстрее, но я не собирался терпеть два квартала до дома, а с собой взять по глупости забыл.

Я разжевал три конфеты и подождал, пока показатель не вырастет. Через несколько минут на дисплее высветилось 74, и конечности уже не казались такими слабыми и ватными. Я с трудом поднялся и побрел по темным улицам.

Меня обступали дерьмовые жилые комплексы, очень похожие на мой собственный: облупившаяся краска, бетонные лестницы и ржавые металлические перила. Все они обладали громкими названиями. «Оушен-Фронт», «Бич-Сайд», «Коувс», как будто это роскошные кондоминиумы с выходом к океану, а не ветхие дома, где ближайшим «пляжем» была суровая, скалистая, береговая линия.

Было уже больше одиннадцати, когда я поднялся по наружным цементным ступеням на второй этаж комплекса «Лайтхаус». Наш новый дом после моей выходки с садовым шлангом во дворе Вайолет. Это была маленькая квартира с двумя спальнями и одной ванной, со своенравным обогревателем, который включался только по собственному желанию, и душем с дерьмовым напором воды. При включении света по столешницам и шкавам разбежались тараканы.

Но у нас был душ. И туалет. И раковины. Комнаты. Плита. А еще из маленькой гостиной располагался выход на крошечную террасу. Я спал в собственной кровати. И мама тоже. Она плакала, когда мы переехали.

Мне тоже хотелось плакать, но я напомнил себе, что в этой жизни хорошее длится недолго и в любую секунду может исчезнуть.

Или в мгновение ока обернуться полной задницей.

Я отпер замок и обнаружил, что мама сидела на диване, хотя до полуночи должна была работать в закусочной. Вместо желтой форменной футболки на ней были спортивные штаны, а темные волосы наспех собраны хвост. Ее домашний вид. Я подозревал, что она вообще не ходила на работу. Потрепанный торшер бросал теплый уютный свет на пивные бутылки, переполненные пепельницы и упаковки от фастфуда, валявшиеся на кофейном столике.

Рядом с ней сидел мужчина средних лет, которого я раньше никогда не видел. Я осторожно прикрыл дверь и поставил футляр с гитарой.

– Привет, – сухо бросил я. – Кажется, мы не встречались.

– Господи, Миллер, – произнесла мама с усталой улыбкой. Ей был всего сорок один год – она меня рано родила, – но выглядела на десять лет старше и всегда казалась уставшей. – Это Чет Хайленд. Чет, это мой сын Миллер.

Чет уставился на меня, положил мясистую руку с банкой пива на живот, обтянутый почти белой «алкоголичкой». Я бы не стал так называть майку, но «алкоголичка» Чет у явно подходила больше. Он сверлил меня своими глазками-бусинками, небритый, с сальными темными волосами, в замызганных джинсах. На этого человека у меня сработали все внутренние датчики тревоги, а волоски на затылке встали дыбом.

Затем на его лице расплылась дружелюбная улыбка.

– Приятно познакомиться, Миллер. Пива?

– Нет, спасибо.

У меня снова задрожали руки, а часы показали 70. Все еще слишком низко. Я пошел на кухню, меня бросало в холодный пот.

– Ты сегодня поздно, – крикнула мне вслед мама.

– Я зашел к Ви после работы.

– Миллер работает на набережной, – пояснила мама, и я услышал щелчок зажигалки и звук втягиваемого воздуха – наш непрошенный гость затягивался сигаретой.

– Мальчик на побегушках, да? – усмехнулся Чет.

– Он работает в одной из самых крупных галерей игровых автоматов, – ответила мама, выдавив из себя улыбку. – Только что получил повышение до помощника управляющего.

Я открыл холодильник и трясущейся рукой потянулся к апельсиновому соку. Мой план питания предполагал запас определенных продуктов и напитков, и мы должны были постоянно его поддерживать с нашим скудным бюджетом. У Ви следить за всей этой хренью получалось намного лучше, но я помню, что утром перед работой я видел пять бутылок сока, а теперь осталось только три.

Я взял с полки одну и захлопнул дверцу.

– Какого черта?

Мама нахмурилась.

– Какого черта что?

Я поднял бутылку сока.

– Не хватает двух.

– Возможно, я сегодня выпил парочку, – произнес Чет, не сводя с меня глаз. – Не знал, что ты считаешь.

Я уставился на маму взглядом «какого хрена».

– Миллеру приходится все пересчитывать, – объяснила она. – У него диабет.

– Да. Думаю, она могла бы упомянуть об этом, Чет.

«Например, сразу по приходу, чтобы ты не жрал и не пил то, от чего зависит моя жизнь».

– Виноват, приятель. Больше не повторится.

Он улыбнулся маме, а она улыбнулась в ответ. Я уже давно не видел такую улыбку – почти счастливую. Это был тот тип счастья, когда ты понимаешь, что больше не одинок. И только.

Я отхлебнул сок и схватился за холодильник, чтобы не упасть.

– Как себя чувствуешь? У тебя датчик недавно срабатывал. – Мама постучала пальцами по смартфону – более старой модели, чем тот, который лежал на кофейном столике.

– Я в курсе, – огрызнулся я, безуспешно пытаюсь скрыть раздражение в голосе.

До того, как у меня появилось это устройство, приходилось колоть палец каждые два часа, круглые сутки. Как настоящая мать, она должна была ставить будильник и проверять меня по ночам. Две поездки на «скорой» за три месяца, и я научился сам ставить будильник. Своей маме не слышала или отключала в полусне.

Я не мог ее винить. Она работала на двух работах, чтобы удержать нас на плаву, и ей попросту не хватало времени и сил. А диагноз их требовал немало, так как моя поджелудочная железа решила прикрыть лавочку: «Инсулин закончился. Приходите в следующей жизни».

Пришлось очень быстро усвоить, что, когда дело касается моего диабета, я сам по себе.

За исключением Вайолет. В больнице могли бы направить ее ко мне...

Но они этого не сделали, такова жизнь.

Я выпил половину бутылки сока и сунул ее в рюкзак, который затем вместе с гитарой перекинул через плечо.

– Куда это ты собрался? – крикнула мама, когда я направился к двери.

– На улицу.

– Уже поздно, а тебе завтра в школу.

– Он доставляет тебе неприятности? – тихим, угрожающим голосом спросил у мамы Чет.

– Нет, он...

– Эй, парень.

Я замер, схватившись за дверную ручку. Шея будто одеревенела, и я повернул голову, поймав темный, опасный взгляд Чета.

– Ты треплешь маме нервы, сынок?

От угрозы, прозвучавшей в небрежно брошенной фразе, по спине пробежал холодок. Я вскинул подбородок и умудрился даже глазом не моргнуть, когда произнес:

– Я тебе не сынок.

Повисла недолгая тишина, в которой я слышал лишь гулкое биение собственного сердца.

Мама ладонью разогнала дым, словно могла этим рассеять напряжение между нами.

– Брось, он хороший. Отличный ребенок.

Чет посмотрел мне прямо в глаза и произнес исключительно для меня:

– Уж лучше ему таким и оставаться.

– Черт побери, – бормотал я, засунув руки в карманы, пока спускался к пляжу по тихим, темным улицам. За последние четыре года к маме навевались разные неудачники, кто-то в большей степени был бездельником, кто-то в меньшей. Но Чет мне казался просто Королем среди них, вечно просиживающим наш диван.

День был дерьмовый, и мне отчаянно хотелось лечь спать. Но раз чертов Чет Хайленд ночевал у нас, я решил прогуляться.

Даже после нашего переезда из машины в квартиру я не оставил привычку бродить по ночам. Просто чтобы побыть одному. Сбежать. Иногда мне хотелось просто куда-нибудь идти и не останавливаться. Но без лекарств я умру, и пока меня найдут, чайки успеют обглодать кости.

– Веселенькие мысли, – пробормотал я, а ветер унес мои слова прочь.

В ту ночь я бродил по удаленному каменистому пляжу, окруженному высокими утесами. Приходилось посильнее кутаться в куртку. Формально сейчас лето, но северное калифорнийское побережье об этом забывало.

Черные волны, увенчанные белой пеной, вгрызались в каменистый пляж, а затем отступали, снова и снова. Разноцветные огни набережной на западе отсюда казались слишком яркими и вульгарными. Даже за милю слышался грохот американских горок и радостные вопли отдыхающих, когда вагончики неслись вниз. Чуть дальше медленно и бесшумно поворачивалось колесо обозрения.

Я повернулся спиной к разноцветным огням и поплелся дальше, к каменистым пористым скалам, которые в скудном лунном свете казались черными и острыми. Из-за прилива я был вынужден держаться поближе к валунам, и вскоре уже больше карабкался по камням, нежели прогуливался. Справа высились скалы, а слева ко мне тянул лапы разъяренный океан, брызгая ледяной водой. Я еще никогда не заходил так далеко. Но когда споткнулся и в попытках удержать равновесие оцарапал ладонь о шершавый, изъеденный солью камень, я сдался. Уже при каждом шаге под ботинками хлопала вода, и если из-за этой дурацкой вылазки я поврежу гитару, то никогда себе этого не прощу.

Я уже развернулся и начал высматривать обратный путь среди камней и влажного песка, когда услышал его. Отдаленный, но четкий звук между стенаниями океана. Скрип, а затем хлопок. словно порывы ветра распахивали и захлопывали деревянную дверь на сломанных петлях.

Вопреки здравому смыслу, я двинулся на звук, и когда валуны немного расступились, мое любопытство было вознаграждено. Мне удалось отыскать опасную тропинку по более мелким, округлым камням. Береговая линия приподнималась, уходя от воды, и волны мне больше не угрожали. Идти стало полегче. Скрип и хлопки теперь звучали громче.

Наконец я обогнул огромную грудку валунов. Впереди скалы спускались вплотную к океану и пляж обрывался.

Тупик.

И тут я снова услышал этот звук. Позади меня.

Я повернулся и увидел дверь. Она висела на расшатанных петлях, и при каждом порыве ветра за ней зиял черный прямоугольник. В темноте ночи я не сразу понял, на что смотрю, но вскоре разглядел очертания квадратной деревянной хижины, притулившейся к скале.

Надо было пройти мимо и отправиться домой: завтра первый день в школе и все такое. Но что меня ждало дома? Чужой человек в нашей маленькой квартире. А в школе лишь очередной год издевательств за непростительное преступление – бедность. А учитывая, как эпично я облажался сегодня вечером с Ви, то мне придется наблюдать, как она все больше сближается с Ривером, пока я не потеряю ее навсегда.

Я выудил содовый из заднего кармана джинсов и включил фонарик.

– Вот так и погибают подростки в фильмах ужасов, – пробормотал я ветру. Скрипучая дверь захлопнулась, заставив меня вздрогнуть.

Я поднял тусклый фонарь и заглянул внутрь, подперев гитарой дверь.

– Эй?

Господи, голос, как у испуганного идиота. Но если здесь кто-то жил, хоть один, хоть двое, хоть десятеро, мне не хотелось быть невежливым.

Или убитым.

Хижина оказалась пустой. И больше по размерам, чем я думал. Фонарика не хватило, чтобы сразу осветить все внутри. Сквозь прорехи в крыше и лишенное стекла окно просачивался лунный свет, выхватывая на полу целые кучи песка.

Я прикинул, что хижина была около двухсот квадратных футов. Шаткие и неровные деревянные доски на полу. Беспорядочная куча удочек в углу, обмотанных леской – прямо как седые волосы ведьмы. Ведро. Скамейка. Даже маленький столик с ржавым ножом для снятия чешуи.

Я нашел рыбацкую хижину, обветшалую и продубевшую от соли. Затерянную между скал, забытую и пустующую многие месяцы, если не годы. У нее был свой собственный небольшой участок пляжа, а океан бушевал в сотнях ярдов отсюда и не представлял опасности.

Моя.

Я опустил на треснувшую, но все еще крепкую деревянную скамью. Внезапно накатила дикая усталость. Я положил руку на стол и опустил на нее голову, вдыхая запах дерева и соли. Глаза тут же закрылись.

Когда засигналили часы, в единственное окно хижины струились первые рассветные лучи, золотыми брызгами просочившиеся сквозь щели в досках. Я сразу понял, где нахожусь, как будто приходил сюда многие годы.

Сокровище. Я нашел спрятанное сокровище.

Как и четыре года назад, когда я, спотыкаясь, выбрался из леса и увидел лицо Вайолет Макнамары в окне ее спальни.

Я разжевал несколько конфет и допил бутылку апельсинового сока. Когда почувствовал себя увереннее, размял затекшее от неудобной позы тело и схватил гитарный футляр.

Снаружи солнце только-только показалось из-за горизонта. Глаза щипало от слез – конечно, просто от холодного ветра, а не от захватывающего вида, как утренний свет разливается по океану. Уже не яростному, но спокойному. Безмятежному.

Перед своей хижинкой я нашел плоский камень и сел лицом к воде. Вынул гитару из футляра и перекинул через плечо ремень. Пальцы правой руки тут же нашли свое место на ладах, а левая потянулась к струнам.

Солнце взошло, и я заиграл песню Вайолет. Мой голос – охрипший и надсадный, как старое дерево, – запел слова, годами запертые в моем сердце. Я запел громче, с большим чувством ударяя по струнам гитары. Питаемые тщетной, безнадежной тоской, слова взлетали все выше и выше...

Пока их не подхватывал ветер и не разрывал в клочья.

Все, чего я хочу

*Притворюсь, что прекрасно справляюсь и сам,
Потерянная душа, не верящая в чудеса.
Я стер ноги в кровь по твоим следам.
Нет, не будет лучше, не надо обещать.
Скитальцу тоже нужен дом, нужна семья,
Так, может, сегодня ночью полюбишь меня?*

*Ты рядом со мной, но так далека,
Сотни слов норовят соскочить с языка.
Но ничего сказать не могу,
Прячу чувства в песне, у всех на виду.
Не заставляй меня повторять это снова,
Думаю, мне придется сыграть ее снова,
И сегодня ночью ты полюбишь меня.*

*Чувствую себя счастливым, но настолько слабым,
Любовь жестока, на сердце сплошные раны.
Не прикасайся, детка, к моим шрамам,
Пока не захочешь узнать, в каких виновна сама.
Все, чего я хочу,
Все, чего я хочу,
Это ты и я, большего не прошу.*

*Что сбился с пути, я и не знал,
Пока впереди не увидел тебя.
Дорогу не видно во время дождя,
Так позови скорее меня.
На голос приду, в постель отнесу
Притворюсь, что услышал, дыхание затая:
«Сегодня ночью я влюбилась в тебя».*

*Чувствую себя счастливым, но настолько слабым,
Любовь жестока, на сердце сплошные раны.
Не прикасайся, детка, к моим шрамам,
Пока не захочешь узнать, в каких виновна сама.
Все, чего я хочу,
Все, чего я хочу,
Чтобы ты влюбилась в меня, большего не прошу.*

3 Вайолет

Первый день выпускного года. У меня впереди еще много таких первых дней: годы учебы в университете, затем в медицинской школе, но для старшей школы этот год последний. Шайло не переставала меня подкалывать, как глупо радоваться началу учебы, когда все оплакивали конец лета.

– Как обряд посвящения, – пробормотала я, надевая узкие джинсы и кофту с открытыми плечами.

Я оглядела себя в зеркале. Джинсы оказались чуть более облегающими, чем я привыкла, но в целом вполне приличными. Эвелин предупредила, чтобы я не одевалась так, будто слишком стараюсь.

– Ты сногсшибательна от природы, – усмехалась она, когда мы неделю назад ходили за покупками в торговый центр Кингз-Виллидж. – Тебе достаточно вильнуть задницей и всем будет плевать, что вообще на тебе надето.

В то утро я вертелась перед зеркалом в своей спальне и поджимала губы. Два года назад Эвелин Гонсалес и ее популярная компания даже не взглянули бы на меня. Но в прошлом году знакомая из футбольной команды потащила меня на пляжную вечеринку. Каким-то образом я оказалась в усеянном песком туалете, утешая плачущую Эвелин, которая только что рассталась с Ченсом Блейлоком. Они встречались полгода.

– Ты такая милая, – произнесла она, вытирая слезы. – Большинство девушек в школе пришли бы в восторг, увидев меня слабой и жалкой.

– Ты вовсе не такая, – мягко возразила я. – Ты же человек.

Что-то в этих словах, должно быть, тронуло школьную королеву, потому что она внезапно взяла меня под руку и представила своим друзьям. В том числе и Риверу Уитмору. У меня все еще не хватало духу пообщаться с ним, но тем летом при встрече мы каждый раз обменивались улыбками, а однажды он даже купил мне коктейль в «Бургер Барн». Правда, в тот день он угощал всех, но было приятно оказаться в числе его друзей. Такой ботаник, как я, и представить себе не могла подобное.

Но потом Ривер перестал с нами тусоваться, и теперь я знала почему. Я схватила конверт с моим волонтерским назначением, сунула его в рюкзак и спустилась на первый этаж.

Родители завтракали в просторной, залитой солнцем кухне, сидя как можно дальше друг от друга. Папа читал газету и потягивал кофе за серой мраморной стойкой. А мама за столом намазывала мармеладом пшеничный тост.

Никаких ссор. Никакого напряжения. Пока что. Я чувствовала себя героем фильмов, в которых шпиону требовалось пересечь комнату и не задеть лазерные лучи, пересекавшие все вокруг. Приходилось действовать медленно, осторожно, чтобы не спугнуть их.

– Доброе утро, – бодро произнесла я.

Мама даже не подняла взгляд от тоста.

– Доброе утро, дорогая.

– Доброе утро, тыковка, – устало отозвался папа.

Шайло часто говорила, что Вселенная подарила мне самые лучшие черты моих родителей. У меня мамины густые, почти черные волосы и папины темно-синие глаза. Но на этом сходство заканчивалось. Мама была высокая, стройная, с бледно-голубыми глазами, а папа – рыжеволосый и коренастый.

– Волнуешься перед первым днем выпускного класса? – поинтересовался папа.

– Определенно. Я и так буду очень занята, совмещая футбол, дебаты, теперь еще и это. – Я села рядом с мамой и вытасила свое письмо из Медицинского центра.

– Тебя взяли? – просияла мама и сжала мою руку. – Я знала, что так и будет.

Прихватив кофе, папа подошел и чмокнул меня в макушку.

– Горжусь тобой, тыковка. – Он сел по другую сторону от меня, подальше от мамы. – И ты уже знаешь, кого тебе назначили?

– Этого Миллера? – предположила мама, не отвлекаясь от тоста и стараясь говорить небрежным тоном.

Уже четыре года как мой лучший друг все еще оставался для нее «этим Миллером»: мальчишкой, который жил в машине и чуть не умер на ее заднем дворе.

– Нет, не Миллер, – натянута произнесла я, насильно удерживая улыбку. – Нэнси Уитмор. Мои родители обменялись взглядами.

Папа заерзал на стуле.

– Я на прошлой неделе ездил в автосервис Уитморов.

– Я знаю. У нее рак, да?

– Боюсь, что так. Рак печени. И все не очень хорошо.

– Она смертельно больна, – вмешалась мама напряженным голосом. – Давай будем честны с Вайолет, для разнообразия.

Папа сжал губы в тонкую линию, но обратился ко мне:

– Ты с этим справишься, дорогая?

– Я собираюсь стать врачом. Как уже говорила Миллеру, у моей профессии есть и неприятная сторона.

Мама отложила тост.

– Так значит ты сначала сообщила Миллеру? Когда? Вчера вечером?

– Линн...

– Да, – ответила я. – Вчера вечером.

«Пока вы не ворвались в мою комнату, как парочка сумасшедших».

– Я понять не могу, почему он продолжает лазать по моим шпалерам, – мама закипала от злости. – Раз уж ты не пытаешься его прятать, Вайолет, он может входить через парадную дверь, как все остальные.

– Линн, мы это уже обсуждали, – вмешался папа. – Они друзья. Так уж они привыкли. Верно, тыковка?

– Да, – ответила я, не добавляя, что в те несколько раз, когда Миллер приходил через дверь, то становился либо свидетелем их ссоры, либо их мрачного настроения. Унизительно для меня и неловко для него.

– В любом случае, – продолжила я, – он так же переживает о моей работе с миссис Уитмор. Потому что он хороший человек. Лучший.

Мама пропустила это мимо ушей, но ее взгляд явно давал понять, что разговор об «этом Миллере» еще не закончился.

– Когда приступаешь? – поинтересовался папа.

– На этой неделе. По вторникам и пятницам.

– Так быстро. Что ж, я тобой горжусь, – сказал папа. – Из тебя выйдет отличный врач, а волонтерство станет прекрасным дополнением к заявлению в колледж.

– Спасибо, папочка.

– И на этой ноте... – Мама разгладила салфетку на коленях. – Учитывая начало учебного года, было бы неплохо рассмотреть несколько возможностей получения стипендии.

– Ради всего святого, Линн...

– Что? Она лучшая в своем классе. Бесспорная кандидатка на прощальную речь на выпускном. Почему бы ей и не получить награду за свои старания?

Я по очереди взглянула на них обоих.

– Мне нужно подавать заявление на стипендию?

– Нет, – твердо ответил папа, резко обрывая маму на полуслове.

Она резко захлопнула рот.

Желудок внезапно превратился в камень. Предложение родителей оплатить мое обучение в колледже, даже в медицинской школе, было самым драгоценным подарком в моей жизни. Не только из-за денег, но и потому, что они в меня верили.

– Все в порядке? – спросила я.

– Все отлично, – заверил папа, сердито глядя на маму. – Никакая стипендия тебе не нужна. Мы обещали, что все оплатим, значит, так и будет. Разве не так, Линн?

Мама твердо встретила его взгляд.

– Как скажешь, Винс.

– Так и скажу. И я опаздываю на работу. Хорошего тебе первого дня, дорогая. – Он ласково щелкнул меня по носу и ушел, не сказав больше ни слова.

Я повернулась к маме, боясь задать вопрос и одновременно страшась ответа.

– Мам?..

Она помешивала кофе.

– Не надо меня спрашивать, спрашивай у отца.

– Он мне не скажет. Вы мне никогда ничего не говорите. Просто орете друг на друга. Теперь и перед моими друзьями тоже.

Мама отхлебнула из кружки. Я сжала руки под столом.

– Мама, пожалуйста. Я хочу стать хирургом. Даже с уже заработанными за время школы кредитами³, все равно остается минимум десять лет учебы. Если это слишком много, я пойму. Все меняется. Если с деньгами возникли проблемы, ты можешь мне рассказать.

«Скажи мне, что у вас с папой все будет хорошо».

– Обсудим все позже, – отрезала мама, поднимаясь со стула. – Ты опоздаешь в школу. – Она пробежала пальцами по моему конверту. – Ты неплохо сдружилась с Ривером Уитмором, да? Я слышу, как ты говоришь о нем все больше и больше. Даже больше, чем об этом Миллере. Я потому и удивилась, когда вчера застала его у тебя в комнате. Думала, он исчез с горизонта.

Я бестолково моргнула от резкой смены темы.

– Миллер никогда не исчезнет из моей жизни. Потому что мы лучшие друзья.

– Я думала, твоя лучшая подруга это Шайло.

– Так и есть. Они оба.

– А Ривер? Ты целую вечность была в него влюблена, а теперь тусуешься в его компании.

– Да, но...

– Я записала тебя к доктору Крэндалу на следующий четверг.

– Гинекологу.

– Да. Раз уж я не могу отслеживать, кто шастает тебе в комнату, лучше перестраховаться, чем потом сожалеть.

³ Условная единица, обозначающая еженедельную академическую нагрузку студента. 1 кредит равен, как правило, 1 часу в классе и 2 часам, проведенным дома за выполнением домашнего задания. Чем больше «кредитов», тем выше шанс поступить в колледж.

– Хорошая идея, – ответила я, мое лицо пылало. – А то сама я могу забыться.
Мама вздохнула.

– Я просто реально смотрю на жизнь. Тебе уже семнадцать, и я знаю, как устроен мир. – Она поджала губы. – Мне следовало сделать это раньше?

Боже, мне хотелось провалиться сквозь землю.

– Э-э, нет, мам. Я даже не целовалась. Пить противозачаточные немного перебор, тебе не кажется?

– Ох, милая, – вздохнула она с раскаянием в глазах. – Ты очень много учишься, и я знаю, что мы не настолько часто проводим время вместе, как следовало бы. Не так, как раньше. – Она взяла меня за подбородок. – Я просто пытаюсь быть мамой и заботиться о тебе. Ладно?

Я нашла в себе силы улыбнуться.

– Ладно. Спасибо.

Она вымученно улыбнулась в ответ.

– Ты должна была ответить: «Не надо, дорогая мамочка, я берегу себя до замужества».

– Учитывая, что я никогда не выйду замуж, ждать придется слишком долго.

– Надеюсь, что это не так, хотя, видит бог, мы подали не самый лучший пример.

Я с трудом сглотнула.

– Раньше все было не так. Вы с папой были... такими счастливыми.

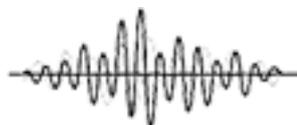
Она напряглась.

– Да, что ж. Кое-что произошло.

– Мам?..

Она моргнула и похлопала меня по руке.

– Я запишу тебя на прием. Хорошего первого дня.

До урока истории в середине дня у нас с Шайло расписание не пересекалось. Я встретила с ней во время ланча на лужайке перед верандой, на которой располагались столики кафетерия Центральной старшей школы Санта-Круза. Моя стройная подруга надела платье в стиле бохо, а темные волосы заплела в сотни тоненьких косичек, которые свободно рассыпались по смуглым плечам. Массивные браслеты, ожерелья и кольца, большинство из которых она сделала сама, завершали ее образ Богини Земли, как я ее называла.

Мне не переставали говорить, как я «расцвела» за последние годы, но Шайло Баррера от рождения была красавицей во многом потому, что для нее это казалось естественным. Я никогда не встречала такого уверенного в себе человека, как Шайло. Она чувствовала себя комфортно такой, какая она есть.

– Здорово, – произнесла я, плюхаясь рядом с ней. Мы обнялись, и я вдохнула сладкий запах духов, которые она делала сама из цветов бабушкиного сада.

– Что с тобой? – спросила подруга, разглядывая меня. – Обычно в первый день учебы ты выглядишь по-другому.

– Мама собирается посадить меня на противозачаточные, и я начинаю подозревать, что у нас нет денег на колледж. А как прошло твое утро?

Шайло было очень трудно удивить. Но сейчас у нее округлились глаза.

– Прости... что?

– Это скорее проблемы моих родителей. Забудь. Как там в Луизиане?

– Жарко, – ответила она. – Даже не вздумай заговаривать мне зубы после того, как ого-рошила темой противозачаточных и... серьезно? Нет денег на колледж? Я думала, что это дело решенное.

– Я тоже. Папа все отрицает, но мама предложила заняться вопросом стипендии. Но что, если все гораздо хуже? Что, если они разорились?

– Твой отец все еще работает, верно? А мама продолжает ездить на «Ягуаре»? – Она сжала мою руку. – Наверное, все не так плохо, как ты думаешь.

– Возможно. Но боже, как бы мне хотелось, чтобы они были со мной честными. Я все же подам заявку на поощрительную стипендию по успеваемости. Там жуткая конкуренция, но я не могу сидеть сложа руки. И если действительно что-то случилось, о чем мне не рассказывают, то я должна помочь. – Я облегченно вздохнула. Всегда чувствовала себя лучше, если строила план и следовала ему. – Сделаю то, что должна.

– Ну конечно, – согласилась Шайло. – Теперь давай вернемся к противозачаточным. Что натолкнуло твою маму на мысль о таблетках, шлюшка?

– Вчера вечером родители ворвались ко мне в комнату, а у меня был Миллер.

– И вы?..

– Нет! – возмутилась я, не обращая внимания на почти разочарованный вид Шайло. – Ты же знаешь наши с ним отношения. У мамы паранойя, потому что Миллер постоянно ко мне ходит и потому что волонтерская программа прикрепила меня к Уитморам, – я понизила голос. – Мама Ривера больна.

– Я слышала. – Шайло встряхнула руками. – Ладно, рассказывай правду. Ты и Миллер. Ты и Ривер. Что происходит... со всеми вами?

– Мы с Миллером...

– Просто друзья. Ну да. Знает ли он об этом?

Я резко повернула голову.

– Разумеется, знает. А что? Он тебе что-нибудь говорил?

Шайло долго смотрела на меня, а потом сказала:

– Нет. Не говорил.

Я тихонько облегченно вздохнула.

– Хорошо.

Шайло закатила глаза.

– Потому что ты боишься все испортить и не веришь в настоящую любовь.

– Я верю в любовь, но да, я боюсь испортить отношения с Миллером. Он слишком... особенный для простой интрижки. Если мы расстанемся, то это нас уничтожит. – Я покачала головой. – Однажды я уже чуть не потеряла его, Шай. Я больше не переживу.

– Значит, Миллер застрял во френд-зоне, а Ривер получает бесплатный пропуск?

– Ты же знаешь, что я всю жизнь влюблена в Ривера. Но он самый популярный парень школы и выпускного класса, а еще на пути к звездной карьере в НФЛ. А я с головой в учебе и подготовке к поступлению в колледж. Ни у кого из нас нет времени на что-то серьезное. Он вообще со мной почти не разговаривал, но да... мы бы могли встречаться. Было бы здорово.

– Ты хотела сказать безобидно.

– Ну да. Я не хочу поступать в колледж с нулевым опытом, но, если окажется, что денег на колледж нет, мне придется работать еще усерднее.

– Значит, ты хочешь встречаться с Ривером, чтобы получить кое-какой опыт? Такой, который потребует прием противозачаточных?

– Возможно.

Карие глаза Шайло округлились.

– Ты собралась подарить ему свою девственность?

– А что? Думаешь, если я ботаник, который все время пропадает в библиотеке, у меня отсутствует сексуальное влечение? Я заучка, Шай, а не монашка. И боже, меня еще даже не целовали. Я до смешного отстала.

– Это не гонка, – возразила Шайло. – И вообще, никакая ты уже не заучка. Ты будешь среди Свиты Осеннего бала⁴ и, возможно, Королевой выпускного бала. Особенно если начнешь встречаться с будущим Королем.

– Ни за что. Ею сто процентов станет Эвелин.

– Я бы не была так уверена. – Шайло откинулась назад, опершись на локти. – А что, если, несмотря на все попытки остаться обычной шлюшкой, ты влюбишься в Ривера? Что, если он влюбится в тебя?

Я рассмеялась.

– Если с нами произойдет нечто подобное, а это довольно серьезное «если», давай реально смотреть на положение вещей. Я поступлю в Калифорнийский университет, а у них нет футбольной команды. Значит, Ривер поступит в другое место. Например, в Алабаме или Джорджии. Довольно глупо строить серьезные отношения, а потом разбежаться по разным сторонам.

– Ух ты, уже все продумала, да?

– У меня большие планы, Шай. Разбитое сердце в них не входит.

– Не всегда можно точно сказать, чего хотят наши сердца, – тихо произнесла подруга тоном, который я редко от нее слышала. – Тебе ведь это известно, верно? Разве ты не говорила мне, что любишь Миллера?

Внутри все необъяснимо затрепетало, когда она произнесла это вслух.

– Так и есть. Ты же знаешь, он мне как... брат.

От этих слов на языке ощутилась горечь, но на попятную я не пойду.

– Ты давно видела своего братца? Ты не единственная, кто повзрослела и превратилась в горячую красотку. – Она изогнула бровь. – Ты что, не заметила?

– Нет. То есть да. Но я не думаю о нем... в этом смысле.

Шайло окинула меня пристальным взглядом, а затем пожала плечами.

– Ну как скажешь.

На языке вертелось еще много слов протеста, но она была права. Я действительно заметила, что Миллер больше не тот тощий тринадцатилетний подросток, с каким я познакомилась у себя под окном. Теперь он выше, крупнее, его плечи шире, а мышцы заметнее. Красивые черты лица стали более точеными, мужественными, а челюсть и скулы – более угловатыми. Легкая щетина и длинные волосы, в сочетании с привычной фланелевой рубашкой и вязаными шапочками, придавали ему неряшливый, эдакий рокерский образ.

Было очень легко представить его на сцене какого-нибудь фестиваля, поющего своим хриплым проникновенным голосом под вопли тысяч поклонниц...

– Эй. – Шайло выдернула меня из моих фантазий, ее голос был нехарактерно мягким. – Я поняла. Ты защищаешь то, что особенно ценишь.

Я кивнула.

– Я уже видела, как выглядит умирающая любовь. Мои родители когда-то тоже были лучшими друзьями.

Она обняла меня и крепко сжала.

– Я знаю.

Наступило недолгое молчание, а затем я глубоко вздохнула.

– У нас все хорошо?

⁴ Американский вариант вечера встречи выпускников, на котором прошлогодние Король и Королева выпускного бала коронуют новых.

– Конечно. Почему спрашиваешь?

– Не знаю. Вчера вечером Миллер кое-что сказал. Что в последнее время я стала от вас отдаляться. Тусоваться с новыми друзьями вместо вас двоих.

– Ты продвигаешься вверх по социальной пищевой цепочке. Забей. Ты расширяешь свои возможности. Все тебя любят.

– Я в этом не уверена.

– Так и есть. Ты со всеми добра. И тебе отвечают тем же.

– Наверное. Эвелин сказала, что у Ченса Блейлока вечеринка в эту субботу...

– Не-а. Не моя компания.

– Почему нет? Ты меня знаешь, и я попрошу Миллера прийти...

– Сомневаюсь. – Она бросила на меня лукавый взгляд. – Тебе уже дали право приглашать на чужие вечеринки?

– Это огромная тусовка. Никто не будет следить, кого пригласили, а кого нет.

– Значит, вы, доктор Вайолет Макнамара, собираетесь на огромную тусовку?

– Это опыт. – Я улыбнулась и перевела взгляд на других студентов, которые прогуливались по лужайке или ели за столиками. – Эвелин сказала, что Ривер уточнял, приду ли я.

– Тогда, полагаю, твой генеральный план работает. – Она ладонью прикрыла глаза и дернула подбородком в сторону переполненного кафетерия. – Эй, взгляни. Свежая кровь.

Я проследила за ее взглядом и увидела потрясающе красивого высокого парня с вероятно светлыми волосами, но покрашенными в серебристый блонд. Он прислонился к цементной колонне террасы кафетерия и с небрежной отстраненностью наблюдал за происходящим.

– Это Холден Пэриш, – сказала я. – Эвелин рассказала мне о нем сегодня утром.

– Эвелин у нас настоящий папарацци. Ей пора заводить свой канал.

Я усмехнулась. Это чистая правда.

– Она сказала, что он переехал из Сиэтла и очень богат.

– Ты тоже очень богата.

Я внутренне содрогнулась. Уже не уверена.

– Холден – миллионер, – возразила я. – А может и миллиардер.

– Он и одевается соответственно.

Холден стоял, прислонившись к столбу, засунув руки в дорогое на вид пальто. На шее изящным узлом красовался изумрудно-зеленый шарф с золотым узором. Покрой джинсов идеально соответствовал его худощавому телосложению, а благодаря бесконечным часам, проведенным с Эвелин Гонсалес, которая вела собственный популярный модный канал на YouTube, я узнала ботинки «Баленсиага».

– Холден Пэриш, – пропела Эвелин, материализуясь рядом со мной, словно я ее вызвала. Она стояла над нами в короткой джинсовой юбке, уперев руки в бока. Черный топ обтягивал ее стройное тело, подчеркивая маленькую, идеальную грудь. Огромные серьги-кольца в лучах солнца сверкали золотом, как и ее смуглая кожа. – Он такой горячий.

Шайло ухмыльнулась.

– Я в этом не сомневаюсь. На улице семьдесят пять градусов, а он в пальто и шарфе.

Эвелин закатила глаза.

– У него безупречный стиль, и он выглядит крутым перцем. Держу пари, в постели он тоже крут. Пора познакомиться. – Она протянула мне руку. – Пойдем.

Я позволила Эвелин помочь мне подняться, затем посмотрела на Шайло.

– Идешь?

Она отмахнулась от нас.

– Иди. Увидимся на истории.

– Что с ней не так? – спросила Эвелин, когда мы шли по уличной зоне кафетерия. – Я всегда мила с ней.

– Она себе на уме.

– Что ж, но не стоит вести себя как сучка.

Я начала было защищать Шайло, но мы уже подошли к Холдену Пэришу. Он наблюдал за нашим приближением, небрежно вытаскивая из кармана своего пальто блестящую пачку сигарет с золотым тиснением «Джарум Блэк» спереди.

Эвелин одарила его своей лучшей улыбкой и перебросила через плечо волосы, собранные в хвост в стиле Арианы Гранде.

– Я Эвелин, а это Вайолет. Мы решили подойти поздороваться, раз уж ты новенький.

– Серьезно? – Холден тяжело вздохнул. – Сейчас только полдень, а мне кажется, что я тут уже целую вечность.

Он зажал сигарету между губами, рассматривая нас из-под песочных светлых бровей. Его ясные глаза были поразительного зеленого цвета, оттенка хризолита. Он щелкнул крышкой золотой зажигалки «Зиппо» и сузил красивые глаза, глубоко затянувшись. В воздухе разлился острый запах гвоздики и табака, который тут же подхватил и унес послеполуденный бриз.

Эвелин бросила на него оценивающий взгляд.

– Это Калифорния, а не Париж. В школе запрещено курить.

Холден скрестил руки на груди, изящно держа черную сигарету в тонких пальцах, испачканных чернильными пятнами.

– Уверен, что нет, – произнес он и сделал еще одну затяжку.

– Под трибунами, на северном конце футбольного поля, есть укромное местечко, – произнесла Эвелин, ее улыбка стала смущенной. – Идеальное место, чтобы покурить, или для других вещей, которые не стоит никому видеть. – Она склонила голову набок, блеск на ее губах мерцал в лучах солнца. – Хочешь экскурсию?

Холден оглядел ее с головы до ног хитрым, понимающим взглядом. Но в то же время тяжелым. Темным. Он поежился, прислонившись спиной к колонне, словно ища укрытия от холодного ветра, который чувствовал только он.

«Мерзляк, наверное», – подумала я.

– Как бы заманчиво ни звучало, я пас. Как-нибудь в другой раз, принцесса?

Эвелин Гонсалес – двукратная королева Осеннего бала и «самая горячая девушка в школе», у которой парни чуть ли не ели с рук, спокойно приняла отказ.

– Определенно. В субботу вечером в доме Ченса Блейлока устраивают вечеринку. Типа в честь начала учебы. Ожидается что-то грандиозное.

Зеленые глаза Холдена метнулись ко мне.

– А ты что думаешь, Вайолет?

– Я думаю, что курение вредно для твоего здоровья и для окружающих.

В его глазах промелькнуло приятное удивление.

– Это правда.

Эвелин ткнула меня локтем в бок.

– Не обращай на нее внимания. Вайолет собирается стать врачом, так что она очень серьезно относится к подобным вещам.

Холден подмигнул мне.

– Я тоже.

После короткого неловкого молчания улыбка Эвелин засияла ярче еще на ватт.

– В общем, если хочешь прийти на вечеринку, дай мне свой номер, и я скину тебе адрес. Надо отдать Эвелин должное – когда ей что-то нужно, она не теряет времени даром.

Холден лениво улыбнулся.

– Ох, думаю, что смогу найти дорогу.

– Круто. Но если передумаешь насчет экскурсии, я рядом.

– Где бы еще ей быть, – раздался голос позади нас. К нам приближались Ченс, Ривер Уитмор и Фрэнки Дауд, а следом, словно тощие щенки за альфа-самцами, семенили другие футболисты.

– Отвали, Фрэнки. – Эвелин толкнула долговязого рыжеволосого парня в плечо.

Ривер бросил на меня взгляд и улыбнулся, прежде чем повернуться к Холдену. Я наблюдала, как парни оценивают друг друга. Если Холден и был напуган видом двух качков и панка, то виду не подал.

– Я как раз приглашала нашего нового друга на твою вечеринку, Ченс, – сообщила Эвелин, вновь беря себя в руки. – Мальчики, это Холден.

– Рад познакомиться, приятель, – произнес Ривер, протягивая ладонь для рукопожатия.

– Взаимно, – ответил Холден, не подавая руки.

На мгновение они встретились взглядами, а затем Ривер усмехнулся.

– Ладно, как хочешь.

– Холден из Сиэтла, – сказала Эвелин. – Я правильно?..

Ее слова затихли, когда Холден одарил нас своей странной полуулыбкой, лениво повел плечами, проскользнул на другую сторону колонны и исчез.

– Он одет, словно на улице зима, – пробормотал Фрэнки. – Что за чучело, черт подери?

– Ты когда-нибудь перестанешь вести себя как осел? – бросила я ему.

Он рассмеялся и притворился напуганным.

– О-о-у. Кто-то сегодня на взводе?

У меня покраснело лицо. Фрэнки Дауд и парочка его друзей-скейтеров издевались над Миллером всю среднюю и старшую школу. Миллер всегда говорил мне, чтобы я не вмешивалась, и я знала, что он может сам о себе позаботиться. Но меня это бесило. Ченс и Ривер никогда себя так не вели; они с трудом терпели выходки Фрэнки, но мы столько лет ходили в школу одной компанией. Как одна большая неблагополучная семья.

Ривер задумчиво посмотрел вслед Холдену, а затем навис над Фрэнки.

– Проваливай, придурок.

Фрэнки усмехнулся.

– Какие мы чувствительные, Уитмор. Увидимся позже, чуваки. – Он поднял два пальца вверх в знак мира и отправился восвояси, словно это было его собственным решением.

Ривер перевел взгляд на меня.

– Ты ведь придешь на вечеринку, Ви?

Я кивнула. Боже, какой он симпатичный! Высокий, темноволосый, голубоглазый. Телосложение квотербека, кем он и являлся, футболка плотно облегла мышцы на руках и торсе. Сердце пропустило удар, чего рядом с Миллером у меня никогда не случалось.

Точнее, это было не совсем так.

Мое сердце рядом с Миллером билось совершенно иначе, нежели рядом с другими: когда у него падали показатели и ему становилось плохо; когда я вспоминала ту ужасную ночь, в которую он чуть не умер у меня на руках; когда я обнимала его на прощание после вечера вместе и чувствовала биение наших сердец в унисон.

Вдруг пришло осознание, что Ривер ждет ответа на вопрос, пока я стою, как дурочка, и думаю о другом парне.

– Э-э, да, приду.

– Отлично. Тогда увидимся, – произнес он и зашагал прочь вместе со своим другом.

– Ага. Увидимся.

Эвелин уставилась на меня, оперев руки в бока.

– Что?

– Тебе обязательно быть такой правильной? Ты спугнула Холдена.

– Я? Вряд ли. Да и в любом случае, мне кажется, чтобы его напугать, понадобится что-то посерьезнее лекции о пассивном курении.

– Верно. Глядя на него, я думаю, он успел повидать дерьма в этой жизни. Интересно, что с ним приключилось? – Она провела языком по нижней губе. – Пожалуй, посчитаю это вызовом.

Мы снова пересекли лужайку, и я заметила Миллера, который сидел на камне возле столиков кафетерия. На нем были рваные джинсы, ботинки и выцветшая винтажная футболка Sonic Youth. На коленях лежал пакет с едой, сам же Миллер рылся в рюкзаке, вероятно, в поисках инсулина.

Эвелин проследила за моим взглядом и вздохнула.

– Ты собираешься рассказать ему о вечеринке Ченса, да?

– Конечно. А что? Думаешь, Фрэнки со своими парнями продолжат над ним издеваться?

Эвелин пожала плечами.

– Фрэнки – идиот, ему больше нечем заняться. Но Миллер, похоже, может за себя постоять. Твой маленький мальчик уже совсем взрослый, правда? Очень жаль.

– Очень жаль, что? – спросила я, вспыхивая. – Очень жаль, что он бедный? Какое это вообще имеет значение?

– Дело не в том, что он беден. А во всей картине в целом. Он жил в машине. Его мать занималась проституцией. Все это создает вокруг него определенное... облако?

– Ауру? – подсказала я, скрестив руки на груди.

– Ауру, точно! Она исходит от него, как дурной запах.

– Эвелин, ты говоришь ужасные вещи.

«Раньше от него пахло лесом, а теперь – солнцем и пляжем».

– Только не нервничай. Я знаю, что он твой друг. Или тебе просто нравится с ним нянчиться из-за этого его диабета.

– Да, он мой друг, и не смей так о нем говорить. Никогда.

– Ладно, ладно, извини. Простишь? – Она быстро обняла меня. – Иди. Пригласи его на вечеринку, если хочешь, а я позвоню тебе попозже. – Эвелин чмокнула воздух у моей щеки и убежала, покачивая волосами, собранными в высокий хвост.

Я посмотрела в сторону Миллера.

«Нет, он вовсе не моя любимая игрушка, и я с ним не нянчусь. Он замечательный».

Хотелось бы мне, чтобы все в школе видели то же, что и я. Да, я тоже видела в нем ребенка, который жил в фургоне, но от этого в моих глазах он становился только лучше, а не наоборот. Красивее, сильнее, храбрее. И он никогда не жаловался, вместо этого изливая все свои эмоции в музыку.

И настало время, чтобы все в школе узнали о его таланте.

4 Миллер

– Привет!

Я поднял взгляд и увидел приближающуюся Вайолет. Сердце глухо забилося, каждый удар походил на тычок в старый синяк. Она была так прекрасна в лучах позднего летнего солнца, поблескивавших в ее иссиня-черных волосах. Ее темно-синие глаза сегодня казались мрачнее, несмотря на лучезарную улыбку.

Что-то не так.

Она плюхнулась на траву рядом с камнем, на котором сидел я.

– Привет, – произнес я, держа ручку для инъекций инсулина. – Только собирался уколоться. Решил, что стоит дать новичкам пищу для разговоров. Все-таки первый день в школе.

Ви слабо улыбнулась. Она знала, что я выдержал череду глупых насмешек: типа я наркоман, который нагло ширяется среди бела дня. К черту этих придурков, если они думали, что я буду прятаться по туалетам, чтобы принять лекарство, которое поддерживало во мне жизнь.

Мне приходилось распределять инъекции по всему телу, чтобы не колоть много раз в одно место. Сегодня я закатал короткий рукав своей футболки.

– погоди, дай угадаю дозу, – произнесла Вайолет. – Для практики.

Она заглянула в мой контейнер с обедом: бутерброд с ветчиной, несколько ягод клубники, пакет попкорна, бутылка воды.

– Похоже на сорок граммов углеводов, потому... четыре единицы инсулина.

– Верно, доктор Эм, – ответил я и сделал себе укол.

Ввел лекарство под кожу, и жгущая боль от иголки стала терпимее. Когда я убрал ручку в футляр, Вайолет протянула мне ланч, хотя я не стал есть сразу; нужно подождать несколько минут, пока начнет действовать инсулин.

– Как проходит первый день? – спросила Ви. Она прищурилась, разглядывая темные круги под моими глазами. – Что случилось? Ты в порядке?

– Нормально. Просто тяжелая ночь. – Я смерил ее угрюмым взглядом, просившим не давить. У меня не было настроения разговаривать о новом маминном хахале. – Я собирался спросить у тебя о том же.

– Что ты имеешь в виду?

– Да брось, Ви. Это же я.

Она грустно улыбнулась.

– Ты, наверное, экстрасенс.

– У тебя на лице все написано, – ответил я. «Мне знакома каждая черточка». – Из-за родителей?

Она кивнула.

– Прости за прошлый вечер.

– Это они должны извиняться, – мрачно ответил я. – Они сказали, из-за чего устроили этот цирк?

– Не совсем, но у меня есть подозрения. Думаю, мои сбережения на колледж тают. Или, возможно, уже иссякли.

У меня округлились глаза.

– Вот дерьмо. Ты уверена?

– Я ни в чем не уверена. – Она махнула рукой. – Все нормально. Если это правда, я справлюсь. Подаю заявку на стипендию и постараюсь сделать все возможное.

– Не подавляй эмоции, Ви. Это же важный вопрос, черт подери. Рассчитывать на свободу, а получить двести тысяч долга? Даже больше, учитывая, что ты собираешься стать хирургом. Если чувствуешь злость, ты имеешь на нее полное право.

– Я не могу злиться на них за это, – ответила она. – Мне стыдно, да и к чему хорошему приведет? Я сказала, что возьму кредит...

– Да тебе придется взять все кредиты мира, чтобы покрыть расходы за медицинскую школу, но под низкий процент обычно дают только бедным детям вроде меня.

– Умеешь утешить, Миллер, – произнесла она, и в уголках ее глаз заблестели слезы. – Мне даже неизвестно, насколько все серьезно. Может, даже нет смысла на этом заикливаться.

Я прикусил язык. Вайолет смотрела на мир с надеждой и улыбкой, а все трудности встречала лишь еще большим усердием. Я восхищался этим качеством в ней. Черт возьми, я ему завидовал. Но от этого мое желание защитить ее от любой напасти становилось только сильнее.

«Я заплачу за ее колледж. Каждый чертов пенни».

Помолчав, она жизнерадостно поинтересовалась:

– А ты не думал, чем займешься после школы?

Я пожал плечами, как будто действительно не размышлял об этом.

– Собираюсь свалить отсюда к чертовой матери и заняться музыкой.

Ее улыбка дрогнула, как и всегда, когда я упоминал об отъезде из Санта-Круза.

– Ты же понимаешь, что сначала стоит поиграть перед настоящей публикой, прежде чем станешь музыкантом?

– Так и сделаю. Когда мне захочется.

– Как насчет этой субботы? На вечеринке Ченса Блейлока?

Я отложил еду и посмотрел на Вайолет.

– Хочешь, чтобы я стал одним из тех придурков, которые без приглашения припераются с гитарой на вечеринку? Солидный план.

Она рассмеялась и толкнула меня локтем в колено.

– Заткнись. Люди начнут из штанов выпрыгивать, только чтобы тебя услышать. Ты же неограниченный алмаз! Иначе тебя никогда не заметят!

Я ухмыльнулся и сделал глоток воды.

– Ну да. Потом ты предложишь мне нацепить фетровую шляпу и объявить о своем присутствии громким, претенциозным кавером на «Wonderwall»⁵. Это точно укрепит мою репутацию рок-звезды.

Ви звонко расхохоталась, но затем ласково добавила:

– Если позволишь им услышать, как ты играешь... если они услышат твой голос, они полюбят тебя. Да и как иначе?

«Я не знаю, Ви. Почему бы тебе не ответить?»

Я напрягся от внезапной горечи и отвел взгляд.

– Я им ничего не должен.

Вайолет начала было спорить, но тут прозвенел звонок, и обед закончился. Студенты высыпали из кафетерия.

Она встала и отряхнула попку от травы.

⁵ Песня британской рок-группы Oasis, написанная Ноэлем Гэллахером.

– Пойдешь со мной в класс?
– Иди сама, – ответил я. – Нужно доесть, иначе часы снова сойдут с ума.
– Ладно. И я знаю, как тебе все это не нравится, но пообещай, что хотя бы подумаешь о том, чтобы прийти на вечеринку? Даже если не будешь играть, я хочу, чтобы ты там был.

«Ни за что».

– Я подумаю.

Она просияла.

– Отлично. Увидимся позже. Или вечером? Ты придешь?

«И это тоже ни за что».

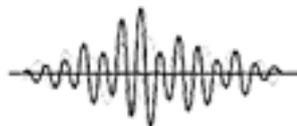
– Сегодня вечером мне надо работать.

– Ох. Ладно. – Она слабо улыбнулась. Печально. – Ну... не пропадай.

– Не буду.

Она ушла, явно неохотно. Мне хотелось последовать за ней. Хотелось каждую гребаную секунду дня проводить рядом. Но после прошлого вечера все изменилось. Отсутствие надежды на отношения...

Это уже слишком тяжело.

Следующие несколько дней нового учебного года прошли, к счастью, без происшествий. Пока что. Начиная со средней школы, я как минимум раз в месяц ввязывался в драки. После больницы сплетни и слухи просто преследовали меня.

А еще Фрэнки Дауд и его банда придурков.

Вайолет ужасно переживала из-за того, что все узнали о моей жизни в машине.

– Но разве был выбор? – спрашивала она. – Позволить тебе умереть у меня на руках?

Мне это не казалось таким уж ужасным.

Когда я в первый раз пришел домой с разбитой губой и опухшим глазом, мама лишь на мгновение оторвалась от телевизора во время короткого перерыва между работой в химчистке и сменой в круглосуточном кафе.

– Борись, Миллер. Борись, или я больше не хочу об этом слышать.

Поэтому я боролся, хотя и рисковал сломать пальцы и потерять ловкость, необходимую для игры на гитаре – мой билет из этой дерьмовой жизни.

Жизни, которая, благодаря гребаному Чету Хайленду, стала еще дерьмовее. Как я и боялся, он стал постоянным оккупантом на нашем диване и в маминной кровати; мне приходилось спать с подушкой на голове, чтобы не слышать скрип пружин.

Хуже того, мама, похоже, бросила вторую работу, чтобы больше времени проводить с Четом. Он же пробивал брешь в нашем и так скудном бюджете и ничего в него не вносил. Несмотря на обещание, он не прекратил воровать мою еду, а мама, похоже, была не в силах на него повлиять. Самым популярным продуктом в нашей квартире стало пиво. Сигареты не отставали.

– Как долго он здесь пробудет? – шепотом спросил я у мамы на утро четвертого дня в школе. Я прокрался в ее комнату, когда она готовилась к работе в химчистке, а Чет в гостиной смотрел шоу «Цена удачи».

– Столько, сколько я захочу, – ответила она. – Не доставай его, Миллер.

– Господи, мам, да он настоящий паразит. У него вообще есть работа? Он?..

Мама придвинулась ближе и впиалась в меня взглядом своих карих глаз.

– Не доставай его, Миллер, – снова повторила она свистящим шепотом. От нее пахло сигаретами. – Ты слышишь? Не делай этого.

– Но, мама...

– Я устала, милый. Просто ужасно устала. – Она слабо улыбнулась и сжала мою руку. – Ты опоздаешь в школу.

Я вышел, не сказав больше ни слова. В гостиной Чет наблюдал, как я собираю еду и лекарства на день.

– Идешь в школу, сынок? – спросил он с натянутой улыбкой. Он специально так меня называл, чтобы подразнить. Забрасывал удочку, проверяя, не начну ли огрызаться.

Я вздернул подбородок.

– Ага. А потом на работу. Ты ведь знаешь, что такое работа? Место, где зарабатывают деньги, чтобы потом ими оплачивать счета и продукты.

– Умничаем, да? У тебя острый язык. – Он ухмыльнулся. – Что случилось? Папаша не научил хорошим манерам перед тем, как свалил?

Я почувствовал, как во мне затрещал и дал сбой какой-то внутренний человеческий механизм, благодаря которому мы, несмотря ни на что, продолжаем двигаться дальше. Меня захлестнули ярость и чувство унижения. Я вспомнил слова Вайолет о том, что наш выпускной год будет лучшим.

Чушь. Чушь собачья.

Чет мрачно усмехнулся.

– Теперь я понимаю, почему он ушел.

– Да пошел ты!

Из коридора донесся удивленный вздох. Мама уставилась на меня и покачала головой. Я молча взглядом умолял ее избавиться от этого мужика, пока он окончательно не вцепился в нас. Как клещ, который впивается так глубоко, что не вытащить.

Мама открыла рот, но тут же закрыла. Я направился к двери.

– Лучше следи за своим языком, сынок, – донеслось мне вслед, когда я вышел в утренний туман.

– Ага, конечно. Лучше последи за своим.

Обычно я ездил в школу на автобусе, но в это серое утро решил пройти пешком, позволяя холодному воздуху остудить ярость. Солнце уже встало, когда я добрался до центрального входа школы Санта-Круз. Стоило мне шагнуть на первую ступеньку, как раздался звонок на урок.

Перед зданием администрации стоял заместитель директора Чаудер, засунув руки в карманы серого костюма.

– Поторопитесь, поторопитесь, мистер Стрэттон. Вы опоздаете.

Я опустил голову и пошел дальше, мимо шкафчиков и дверей классов. Первым у меня был английский, и он проходил в конце открытого кампуса на зеленом от травы холме, откуда открывался вид на оркестр и научные кабинеты.

Занятие уже началось. Мисс Сандерс смерила меня строгим взглядом, но не стала прерывать лекцию о «Великом Гэтсби», которого мы должны были прочесть летом. Единственное свободное место оказалось рядом с Фрэнки Даудом.

Ну естественно.

Долговязый парень вытянул ноги, светя стесанными коленками из-под удлиненных шорт, которые вечно сползали до середины задницы. Он взмахом головы убрал с глаз прядь рыжих волос и ухмыльнулся мне.

– Почему опоздал, Стрэттон? – прошептал он. – Машина не заводилась?

– Отвали.

Он засмеялся, высунув язык, как обезумевшая гиена. Я слегка сжал кулак – никаких драк и синяков. Но понимал, что к концу этого гребаного дерьмового дня без них не обойтись.

– Фрэнки, – окликнула мисс Сандерс. – Раз уж ты такой разговорчивый, может быть, ответишь мне? В этом романе Фицджеральд неоднократно упоминает про пепел и пыль. Мужчины с пепельно-серыми волосами, пыль, покрывающая все вокруг, – от автомобилей до самих персонажей. Как думаешь, что это символизирует?

– Э-э... наверное, это намекает на что-то старое или... ну типа того.

Несколько студентов засмеялись, а Фрэнки торжествующе стукнулся кулаками с другом. Мисс Сандерс поджала губы.

– В следующий раз постарайся хоть немного подумать, ладно? – Она взглянула на меня. – Миллер? Не хочешь попытаться?

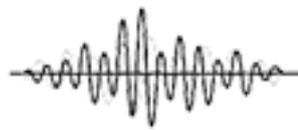
Несколько пар глаз с любопытством повернулись ко мне. Фрэнки явно насмеялся. Я никогда не вписывался сюда. Все четыре года. Я так и остался мальчишкой, который жил в машине и чуть не умер после того, как описался на заднем дворе Макнамары.

– Он пишет, что повсюду оседает пыль, – произнес я. – Потому что так и есть. Она оседает на всем гребаном городе. На школе. Даже залетает в дом. И от нее невозможно избавиться.

Мисс Сандерс кивнула, проигнорировав бранное слово и раздавшееся следом хихиканье.

– И что, по-твоему, это значит?

– Что нет никакой надежды.

Меня подкараулили во время физкультуры, когда я шел к своему шкафчику.

Несмотря на все расчеты и предосторожности, после пробежки показатели упали. Я все еще как придурак был одет в спортивную одежду – белую футболку и желтые шорты. Мой шкафчик маячил в десяти футах, когда из-за угла появились Фрэнки и двое его приятелей.

– Черт бы все побрал, – пробормотал я. У меня дрожали руки и голос, а часы тревожно пищали.

– Ну-ка, кто это тут у нас? А тренер Мейсон знает, что ты забиваешь на физкультуру, чтобы кольнутья, Стрэттон? – поинтересовался Фрэнки, преграждая мне путь. Двое его друзей, Майки Гримальди и Тэд Бреннер, встали позади меня.

– Отвали, Дауд, – бросил я и попробовал протиснуться мимо него.

Он оттолкнул меня, и я споткнулся.

– Твоя мамаша все еще кувыркается с клиентами? – спросил Фрэнки, хихикая, и со всех сторон раздались грязные смешки.

– Не знаю, – закипал я, сердце бешено колотилось, а руки тряслись так сильно, что мне пришлось засунуть их под мышки. – Почему бы не спросить у твоего отца?

Глаза Фрэнки на мгновение вспыхнули, но потом он рассмеялся.

– Ты прав. Он должен знать, ведь это часть его работы – убирать с улиц проституток.

Перед глазами помутнело от ярости, но меня уже пошатывало.

– Ты неважно выглядишь. Вот-вот опять обоссешься?

Часы непрерывно пищали, а мышцы ног словно превратились в вату. Я снова попытался пройти мимо, зная, что это бесполезно. Обычно в драке с Фрэнки Даудом я сторицей возвращал все удары, но сейчас я едва держался на ногах.

– Убирайся к чертовой матери с дороги.

– Мне и здесь хорошо, – заявил Фрэнки, скрестив руки на груди. – Немного любопытно, что произойдет дальше.

Его друзья заерзали и огляделись.

– Эй, Фрэнки, он действительно хреново выглядит, – заметил Майки. Тэд кивнул.

– Ага, и у него эта пищалка...

– Нет, с ним все в порядке, не так ли, Стрэттон? – Фрэнки обхватил меня за шею. – Все еще ходишь с этой маленькой штуковиной в кишках? Что будет, если ее вытащить? Ну просто разглядеть поближе.

– Чувак, – снова окликнул Майки.

– Приятель, хреновые дела, – добавил Тэд, хотя ни один из них не двинулся, чтобы помочь мне.

Собрав все силы, я сжал руку в кулак и ударил Фрэнки под подбородок. Челюсть со стуком захлопнулась, и он отпрянул от меня, брызгая слюной и матерясь.

– Ах ты уфлюдок! – Он сплюнул красный сгусток. – Я на хрен прикуфил фебе яфък.

Через секунду он бросился на меня с ударом, от которого у меня не было сил увернуться. Внезапно кто-то бесцеремонно оттолкнул меня в сторону и вмазал кулаком Фрэнки прямо в нос. Раздался громкий хруст.

Повисло молчание, прерываемое отфыркиванием и руганью Фрэнки. Все уставились на появившегося из ниоткуда крупного темноволосого парня. На нем были рваные джинсы, потертые армейские ботинки, и он возвышался над всеми нами на добрых три дюйма. Выцветшая футболка открывала татуировки на бицепсах и на одном предплечье. Он был похож на беглого заключенного, а не на старшеклассника.

«Может, так оно и есть. Вернулся отомстить за то, что отец Фрэнки посадил его за решетку».

Но под мышцами и татуировками, за холодным взглядом серых глаз, обращенных на Фрэнки, я видел юношу. Его переполняла сила, готовая выплеснуться через край...

У вице-президента Чаудера срабатывало шестое чувство на неприятности в его кампусе; он словно призрак материализовался позади нас.

– Что все это значит?

– Уфлюдок фломал мне нос, – гнусаво пропыхтел из-под ладони Фрэнки.

Чаудер презрительно поджал губы, глядя на сочившуюся сквозь пальцы Фрэнки кровь.

– Сходи к медсестре, Дауд. – Он пристально посмотрел на новенького. – Мистер Венц, в мой кабинет. Остальные возвращайтесь в класс.

Наконец его внимание привлек писк моих часов. Он окинул меня взглядом с головы до ног.

– С тобой все в порядке?

– Да, конечно. Лучше не бывает.

Я оттолкнулся от стены и сумел-таки добраться до своего шкафчика и поднять уровень сахара в крови, прежде чем впасть в гребаную диабетическую кому. Я задавался вопросом, откуда, черт возьми, взялся этот парень.

Долго гадать не пришлось. Быстро распространились слухи, что какой-то новенький ударил Фрэнки по лицу. К концу дня я узнал, что Ронан Венц переехал сюда из Висконсина две недели назад. Он прогулял первые дни в школе, и теперь его отстранили.

Я тоже забил на оставшиеся занятия, чтобы дожидаться, когда он выйдет из кабинета Чаудера.

– Тебе не стоило делать это для меня, – произнес я, шагая рядом с ним, когда он шел по центральной дороге школы.

– Я сделал это не для тебя, – ответил Ронан. Его голос был низким и глубоким, а взгляд прикован к дороге под ногами.

– Тогда зачем?

Он пожал плечами в своей поношенной джинсовой куртке, с искусственной овечьей шерстью внутри. У него была такая же потрепанная одежда, как и у меня. Она не была намеренно потерта или порвана по задумке дизайнера. Я не понимал, почему богатые дети хотят одеваться как бедные и при этом издеваются над ними только за то, что они бедные. Но такова школа жизни.

Мы продолжали вместе идти по улице, он направлялся в сторону моего района, и я догадывался, что мы соседи.

Ронан мельком на меня взглянул.

– Это правда, что ты жил в машине?

Меня обдало жаром, и я отвел взгляд.

– Ты пробыл в кампусе всего десять минут и уже услышал об этом? Новый рекорд. Да. Давно. Но, кажется, никто не может об этом забыть.

– Тогда заставь их забыть.

– Как?

Он снова пожал плечами.

– У того парня, которого ты ударил, отец – коп.

Ронан скривил губы в улыбке, которая больше походила на оскал.

– Да пошли они оба.

– Что-то имеешь против копов?

Он ничего не сказал, и мы пошли дальше.

Мы оказались в моем районе ветхих цементных коробок с ржавыми железными решетками на каждом окне. Ронан остановился и уставился на угловую квартиру на втором этаже. Сквозь драную сетку на окне слышался рев телевизора.

– Это твоя?

Он кивнул.

– А моя в квартале отсюда.

Он не двинулся с места, и меня охватило странное чувство. Словно озарение свыше, которое обычно возникает, если слова песни так идеально ложатся на музыку, что кажется, будто они исходят не от меня.

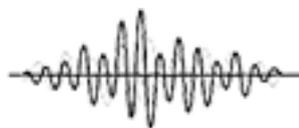
«Показать ему хижину».

– Тебе нужно домой? – спросил я.

– Домой... – презрительно выплюнул он это слово. – Нет.

Я кивнул. Между нами было почти телепатическое понимание.

– Иди за мой.

– Нашел четыре дня назад, – заявил я. – С тех пор прихожу сюда каждую ночь. После работы.

– Что? – Ронан повернулся вокруг своей оси. Его крупное тело заполнило практически всю комнату. – А где работаешь?

– В Галерее игровых автоматов на Набережной.

Ронан кивнул и сел на скамейку.

– Отсюда видно океан, – почти с нежностью произнес он хриплым голосом.

– Да, это здорово. Хорошее место, чтобы просто...

– Убраться подальше от всех?

– Именно.

– До этого ты выглядел больным. – Он кивнул в сторону моего запястья. – Что это за часы? Почему они пищали?

– Это датчик. У меня упал уровень сахара в крови. – Я приподнял футболку, чтобы показать устройство. – У меня диабет.

Ронан кивнул, а затем на его губах внезапно расплылась улыбка, и он прикрыл ее ладонью.

– Что смешного? – спросил я, не обращая внимания на болезненно сжавшееся сердце.

Возможно, я ошибся в Ронане. Просто еще один придурок...

Он покачал головой.

– Я дружил с одной девочкой, когда был ребенком... лет в пять. – Его плечи начали сотрясаться от смеха, неудержимо накотившего на него, как приступ кашля. Казалось, это застигло его врасплох. Как будто прошла целая вечность с тех пор, как он смеялся в последний раз. – Ее тетя была диабетик. Девчонка называла ее диа-ба-титьки.

Я секунду пялился на него, но смех был таким заразительным, что в итоге мы оба заржали как идиоты, сложившись пополам.

– Никто... не поправил ее? – выдавил я.

Ронан покачал головой.

– А ты бы хотел?

– Черт, нет.

По хижине бурей пронесся еще один взрыв смеха, постепенно сменившийся судорожными вздохами и смешками.

– Черт, много лет об этом не вспоминал, – произнес Ронан через минуту.

– Это шедевр, – произнес я, вытирая глаза. – Диа-ба-титьки. Похоже на то, что мог бы сморозить новый мамин бойфренд. Специально.

Даже случайное упоминание о Чете убило остатки веселья.

Ронан поднял взгляд.

– Он один из таких?

– Ага. Один из таких.

Парень кивнул.

– Они больше не будут к тебе цепляться.

Я растерянно моргнул, пока не понял, что он имел в виду Фрэнки Дауда и компанию. Я изогнул бровь.

– Собираешься стать моим телохранителем? Забудь. Я сам могу за себя постоять.

О да, сегодня ты прекрасно это доказал.

Ронан молча ждал.

Господи, мне нужны руки, чтобы играть. Чтобы из моей музыки что-нибудь получилось. Чтобы заработать кучу чертовых бабок и показать миру здоровый средний палец за то, что Вселенная отвратительно жестока.

Вайолет всегда говорила мне, что я хорошо разбираюсь в людях. Так вот, то, что я увидел под гладью серых глаз Ронана Венца, меня опечалило. Боль. Опасность. Жестокость. Мир к нему тоже был безжалостен. В нем что-то сломали. Я мог бы стать его другом и позволить ему сражаться за меня, если ему это нужно.

– Хорошо, – произнес я в тишине, хотя сомневался, что он ждал моего согласия.

Но Ронана, казалось, ответ удовлетворил, и он снова уставился на воду.

Я закинул рюкзак на плечо.

– Мне пора на работу. Оставайся, сколько захочешь, – добавил я, но в этом не было необходимости. Теперь это место принадлежало и Ронану.

5 Вайолет

Пятничным утром я надела в школу легинсы с цветочным принтом, длинную белую блузку и выскользнула из опустевшего дома. Родители ушли на работу пораньше – папа в огромную технологическую корпорацию «ИноДин», а мама работала в муниципалитете менеджером по связям с общественностью. Они оба проводили там как можно больше времени, то ли избегая друг друга, то ли из-за нашего финансового положения.

Или по обоим причинам.

В школе на центральном дворе стоял стол. На нем красовалась бумажная скатерть с надписью «ГОЛОСУЕМ ЗА СВИТУ ОСЕННЕГО БАЛА!», раскрашенной золотой и голубой краской. По бокам к утяжелителям были привязаны воздушные шары той же расцветки.

Я направилась к своему шкафчику, и меня окружили Эвелин, Кейтлин Уоллс и Джулия Ховард.

– О-о-о, – протянула я со смехом. – У меня неприятности? Сегодня тот день, когда мы должны были надеть все розовое?⁶

Кейтлин и Джулия рассмеялись, а Эвелин закатила глаза.

– Клянусь, ты вызубрила весь фильм наизусть.

– Вызубрила? Да я в нем живу, – усмехнулась я. – За исключением того, что вы милые девчонки. – Я наклонилась, чтобы рассмотреть кулон Кейтлин – маленький золотой медальон в форме сердца. – Красивый, Кейт.

Она прикоснулась к кулону.

– О, спасибо. Мне его подарила бабушка...

– У нас осталось десять минут до звонка, – вмешалась Эвелин, кивнув в сторону двора. – Пора голосовать.

Мы направилась к столу. Двое студентов, сидевших между шариками, записали наши имена и вручили нам планшеты.

В бюллетене были перечислены номинанты на Короля, Королеву, Принца и Принцессу, а также указаны их достижения и заслуги перед школой. Эвелин была среди номинанток. Благодаря модному видеоблогу с более чем 25 тысячами подписчиков ее хвалили за «предпринимательский дух».

Джулию и Кейтлин тоже номинировали, как и меня, к моему шоку. Рядом красовался толстый абзац с перечислением всех моих внеклассных занятий и достижений.

– Ни фиги ж себе, – пробормотала я, и меня охватил странный трепет.

– Как такое возможно?

Джулия улыбнулась мне.

– Понятия не имею.

– Я тоже, – вставила Кейтлин.

⁶ Отсылка к фильму «Дрянные девчонки», где героини по средам надевали только розовое.

– Обязательно проголосуйте за себя на роль Принцессы, – велела Эвелин, зная, что роль Королевы бала принадлежит ей. – Хочу, чтобы хотя бы одна из вас участвовала в этом празднике вместе со мной.

Джулия и Кейтлин переглянулись и отвернулись, чтобы заполнить бюллетени, затем сложили их и сунули в ящик.

– Я не буду голосовать за себя, – произнесла я. – Это... странно. Для меня большая честь просто оказаться номинированной. – Я рассмеялась. – Разве не так говорят? Но я с радостью проголосую за вас, девочки.

Я отметила Эвелин как Королеву, а Ривера Уитмора в качестве Короля. Это легко. Другой выбор все равно пустая трата голоса. Принцессами я отметила и Кейтлин и Джулию, предоставив решение судьбе. Принцем мне хотелось записать Миллера, но я знала, что он воспримет это как шутку или насмешку.

– Вот, – сказала я и сунула листок в щель. – Я выполнила свой гражданский долг. Теперь я свободна?

– Притормози, – ответила Эвелин. – Потусуйся здесь до звонка.

– Зачем?

– Неплохая самореклама, – ответила Джулия, постучав себя пальцем по виску. – Стратегия.

Я ухмыльнулась.

– Чтобы электорат нас запомнил?

– Именно.

Я все еще ощущала небольшое волнение из-за моей номинации, но ошиваться вокруг стола мне казалось уже слишком.

– Вот черт, чуть не забыла, – воскликнула Эвелин. – Девочки, вы слышали? У нас есть еще один новичок в старшем классе. Ронан Венц.

Мне знакомо это имя. Вчера учитель по истории устраивал переключку, но Ронан так и не появился.

– Очевидно, что он малолетний преступник. Отсидел в тюрьме...

– Серьезно?

– Я слышала, что он убил своих родителей и бежал из штата.

– Кейт, не выдумывай...

Мне нравились мои новые друзья. Каждая обладала прекрасными качествами, если познакомиться с ними поближе за пределами школы, но на сегодня мой лимит сплетен исчерпан. Я отключилась от их болтовни и блуждала взглядом вокруг, пока не заметила Миллера. Он шел по двору, глядя себе под ноги и согнувшись так, словно рюкзак весил тысячу фунтов.

– Кстати, о новом парне, – сказала Эвелин, подталкивая меня локтем. – Твой лучший друг и Фрэнки вчера подрались после физкультуры.

Меня захлестнула волна гнева, и я стиснула зубы.

– Что произошло?

– Я слышала, Фрэнки надрал Миллеру задницу, или Миллеру было плохо, ну или что-то такое, но потом появился Ронан и избил Фрэнки до полусмерти. Сломал ему нос и отрезал кусок языка.

Кейтлин и Джулия ахнули и что-то пробормотали, а я закинула сумку на плечо и поспешила к Миллеру, не обращая внимания на оклики Эвелин. Я догнала его и пошла рядом.

– Привет.

– Привет, – глухо ответил он.

Я поискала глазами следы драки с Фрэнки, но костяшки пальцев на вид были целые, а лицо такое же красивое, как и всегда.

Возможно, Эвелин ослышалась.

Я подняла взгляд и успела заметить, как Миллер внимательно разглядывал меня. Он тут же отвел глаза. Ткнул большим пальцем в сторону стола для голосования.

– Выполнила свой гражданский долг?

– Ха, я так же его обозвала. – Я попыталась улыбнуться. Он не улыбнулся в ответ. – Это, конечно, глупо, но довольно весело.

– Какое расточительство, – мрачно пробормотал Миллер.

– Почему ты так говоришь?

– Я могу придумать сотню программ, на которые школа могла бы потратить деньги. А вместо этого они арендуют кабриолеты для спортсменов и принцесс, чтобы двадцать минут покатать их после футбольных соревнований.

– Это традиция. И деньги с бала всегда идут на благотворительность. Они не пропадают впустую...

– Верно, – выплюнул Миллер. – Мистеру Ходжесу приходится каждый год устраивать распродажу выпечки, чтобы поддержать кафедру музыки и не лишиться работы. Но давайте мы все равно будем финансировать популярный конкурс, традиции ради.

Я остановилась и положила руку ему на плечо.

– Эй. Я знаю, как тебе все это не нравится, но...

– Но нравится тебе.

Я повела плечом.

– Меня номинировали, это полнейшее безумие...

– А-а. Теперь все понятно.

– Эй, так нечестно!

– Год назад тебя бы под дулом пистолета не заставили голосовать за всю эту хрень. Но, наверное, все меняется, когда ты среди них, да?

Я вздрогнула и скрестила руки на груди.

– Ты ведешь себя сейчас как настоящий придурок.

Он был раздражен и зол.

– Разве ты не сегодня начинаешь работать с Нэнси Уитмор?

– Да. И что?

– Разве это не в миллион раз важнее?

– Разумеется, так и есть. Но это... – я махнула рукой в сторону стола для голосования. – Весело же. Это старшая школа. И мне хочется получить такой опыт. Он мне нужен. Целыми днями я только и занята, что учебой и факультативами... и домашняя жизнь трещит по швам. А если Нэнси действительно смертельно больна, то я согласна на любое отвлечение от всего этого дерьма. Ладно?

– Ладно. Как хочешь.

Мы стояли, а между нами повисла ужасная, напряженная тишина, которая разбивала мне сердце. Мы такими не были. Красивое лицо Миллера отражало тяжелое напряжение, а в глазах появилось еще больше беспокойства.

– Я слышала о том, что вчера случилось с Фрэнки, – рискнула я.

– Не сомневаюсь в этом.

– Ты в порядке?

– Все хорошо. Завел нового друга.

– Этот новый парень, Ронан? У нас с ним общая история. В теории. Он не появился...

– Его отстранили, – произнес Миллер.

– Я слышала, он сломал Фрэнки нос.

– Ты все правильно слышала. Сам я в тот момент не был способен на такой подвиг.

Я сильнее сжала его руку.

– У тебя упали показатели? Снова? Может, тебе стоит поговорить со своим эндокринологом? Или дело в датчике? Может, он сломался?

– Нет.

– Что это значит?

Он мягко высвободил руку из моей хватки.

– Перестань беспокоиться обо мне, Ви. Пожалуйста. Просто... перестань.

– Не могу. И никогда не смогу. Ты мой лучший друг.

Прозвенел звонок, Миллер задумчиво посмотрел на меня и отвел взгляд.

– Мне пора в класс.

– Миллер, поговори со мной. Прошу тебя.

Он сдался и побежденно опустил плечи. Его глубокий голос еще больше охрип.

– У моей мамы появился новый любовник.

– Ох. – Мое сердце упало от скрытого в этих словах подтекста. – Он... плохой?

– Еще неизвестно насколько, но да. На днях к нам зашел Марко, полицейский. Чет повел себя как полный осел. Мне было жутко стыдно за него. Поэтому я сказал Марко больше не приходить.

– Миллер, нет. Тебе нужна помощь.

– Со мной все будет в порядке. И я не хочу об этом говорить, Ви.

Я неохотно кивнула.

– Ладно. Мне очень жаль, что тебе приходится терпеть. Его.

Он встретился со мной взглядом, и глухие стены немного опустились, как будто только для меня. Он вздохнул и провел рукой по своим длинным каштановым волосам.

– Прости, что веду себя как козел, но с кем поведешься...

Не говоря ни слова, я крепко обняла его. Он наклонился, чтобы мне было удобнее, но едва обнял меня в ответ, как будто боялся обжечься.

– Мистер Стрэттон? Мисс Макнамара? – Заместитель директора Чаудер стоял за спиной Миллера и постукивал по наручным часам.

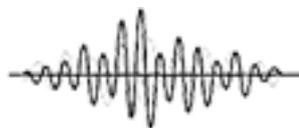
– Вы оба опаздываете.

Миллер отстранился и закинул сумку на плечо, глядя куда угодно, только не на меня.

– Увидимся позже? – спросила я.

Мне хотелось узнать, придет ли он ко мне вечером, как делал тысячи раз за последние четыре года. Но это казалось неправильным. Теперь все между нами казалось неправильным.

– Да, увидимся, Ви, – ответил он и быстро ушел.

В тот день на уроке истории я, как обычно, сидела рядом с Шайло. Мистер Баскин начал перекличку.

– Ватсон?

– Здесь.

– Венц?

Последовало молчание, а затем Баскин, грузный мужчина с седеющей бородой, пробормотал себе под нос:

– Ох, точно. Отстранен.

Он сделал пометку в своем журнале, а затем снова запустил на доске фильм, который мы начали на прошлом уроке: документальное кино о российской революции.

Когда в классе выключили свет, Шайло наклонилась ко мне и прошептала:

– Ладно, мисс подружка папарацци. Кто этот новый парень, который все время не появляется?

– Ронан Венц, – прошептала я в ответ. – Его отстранили за то, что он ударил Фрэнки Дауда. Сломал ему нос.

– Мой герой, – пробормотала Шайло. – Этот говнюк сам напросился.

Я кивнула.

– Он доставал Миллера. Снова.

Шайло нахмурилась и откинула за плечо россыпь косичек.

– Фрэнки ненормальный. Уверена, это у него от папаши.

– Офицера полиции?

– Ага. Не ты одна слушаешь сплетни. Биби дружит с одним из детективов в полицейском участке рядом с нашим домом.

Я улыбнулась.

– Биби со всеми дружит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.